

Мышеловка

Автор:

Виктор Глумов

Мышеловка

Виктор Глумов

Апокалипсис-СТСталкеры поневоле #1

Все, кто попадает в Зону, лишаются памяти. Жизнь начинается с чистого листа по новым правилам. Борьба за ресурсы, сражения с мародерами и опасными тварями – все, что остается людям, потому что отсюда нет выхода. Они не помнят, кем были раньше, но в душе каждого сталкера дремлет фантомная память о Большом Мире, что за пределами Зоны. Они не верят, не просят, и единственное, чего боятся, – превратиться в игрушки таинственных сил, управляющих Зоной, и окончательно потерять себя.

Так было долгие годы, пока не поползли слухи, что появился человек, способный победить черных сталкеров и открыть путь в Большой Мир... Но никто, даже сам избранный, не догадывается, что происходит НА САМОМ ДЕЛЕ!

Виктор Глумов

Сталкеры поневоле. Мышеловка

Глава 1

Игарт

Перед глазами расплывались круги, как от камня, брошенного в черную воду. Красный, зеленый, оранжевый. И опять красный, зеленый... Во рту пересохло, в позвоночник уперлось что-то твердое. Вдалеке лаял автомат. Возле самого уха лениво, на одной ноте скрипел сверчок.

Разлепив веки, он уставился вверх, на ночное небо с россыпью звезд, настолько ярких, что высвечивалась каждая ветка, каждая иголка сосен, стоящих вокруг стеной.

Что это? Где это? Лес?

В нескольких метрах от него зашевелился некрупный зверь, заскреб когтями о камни. Он прищурился: не зверь, судя по очертаниям – птица. Ворон, что ли? Точно. Будто подтверждая его догадку, ворон издал утробный звук – то ли карканье, то ли лай.

Вот тварь, даже не боится. И ведь не сова, чтобы ночью бодрствовать. Кыш, падла, не видишь – живой я! Он попытался пнуть птицу, она вспорхнула на ближайшую на сосну и свесила голову:

– Кра.

– Не дождешься, стервятник!

Он попытался вспомнить, что случилось, почему он здесь – и будто в бездну нырнул: перед ним простиралась гулкая, тягучая чернота. В какую сторону ни плыви – ни островка воспоминаний, словно гигантская гильотина отделила его от прошлого. Да что там от прошлого, от собственного имени!

«Я сплю, этот сон скоро кончится», – прошептал он, сел, огляделся и невольно схватился за бедро, где рассчитывал нащупать кобуру... нету. Да что за нафиг?

Ночь. Поляна. Раскуроченная стена частного дома, обломки кирпича вперемешку со штукатуркой. Опачки! Из-под обломков тянется рука с растопыренными пальцами, чуть поодаль человек в камуфляже уткнулся лицом в траву. Труп?

Похоже на то. Рядом с ним валялась на боку совершенно немыслимая тварь: горбатая, лысая, с копытами и перекошенной почти человеческой рожой. Спасибо, Господи, чтодохлая. Правда, гдедохлая, там и живые! Но почему? Что это за место?!

Такого не может быть!

Стряхнув с волос куски штукатурки, он похлопал себя по бокам, нащупал подсумок, в кармане брюк нашел дешевый раскладной ножик с открывалкой – и все, никакого оружия. Нагрудный карман его обрадовал больше: там была пластиковая карточка с фотографией, восьмизначным кодом и вроде бы именем. Он всмотрелся в фото: незнакомый молодой мужчина лет двадцати пяти, узколицый, русоволосый, кудрявый, с тонким хищным носом. Звали его Игарт.

«Почему его карточка в моем кармане?» – подумал он, попытался вспомнить себя и не смог, провел рукой по лицу. Вот брови, глаза, тонкий нос с горбинкой, губы, непривычная ямка на подбородке... Затем он ощупал голову: волосы жесткие, вьющиеся... «Черт, неужели этот Игарт и есть я? Но почему тогда ощущения такие странные, мерзкие, будто другого мужчину лапаю? Тьфу, гадость. Я схожу с ума? В зеркало бы глянуть, но где его здесь взять? Зеркала нет, зато есть подсумок. Интересно, что там?»

Он открыл первое отделение – ПДА. Пощелкал кнопками – разряженный. Во втором – счетчик Гейгера, в третьем – металлический контейнер, пустой, в четвертом – болты, гайки и гвозди. Набор бесполезных вещей. Или все-таки полезных? Наверняка ПДА содержит важную информацию, нужно только где-то его зарядить.

Он посмотрелся в черный экран, как в зеркало, и, хотя в темноте было плохо видно, без труда узнал в своем отражении того самого Игарта с фотографии. Поморгал, пощупал кончик носа – отражение сделало так же. Будто пробуя на вкус, он трижды произнес новообретенное имя. Странное оно и неблагозвучное. Точно, чужое, но другого пока нет, и память спит. Так что придется походить в Игартах, пока или память не проснется, или не приедет машина из дурдома. Уж очень все это напоминает бред шизофреника.

«Игарт, или как меня там, хватит тормозить! Тебе надо отсюда выбираться и играть по правилам этой реальности, даже если она порождена бредом».

Взгляд остановился на стреляных гильзах, на одноэтажном доме, развороченном взрывом, на небольшой воронке. «Тут велся бой, и меня контузило. При контузии иногда отшибает память, надо немного потерпеть, и она вернется», – решил он и поднялся на четвереньки.

Голова кружилась, в ушах звенело. Встав на ноги, он поковылял к трупу, лежащему ничком, кобуры не обнаружил и собрался сунуть руку в его карман, но заметил, что кто-то уже вывернул тот наизнанку. И один карман... и второй. Игарт перевернул покойника на спину, чтобы заглянуть ему в лицо.

Щекастый веснушчатый мужик с пышными рыжими усами был ему незнаком. Или он просто не помнил этого человека? На черном от крови камуфляже угадывалось три пулевых отверстия: в левом подреберье, на уровне солнечного сплетения и напротив сердца. Может, этот рыжий – близкий друг, брат, родственник? Проклятая память!

Игарт закрыл ему глаза и, подавляя тошноту, шагнул к дохлой полусвинье, но замер в паре метрах от нее: в черных кустах подлеска кто-то зашевелился, засопел и заохал.

Было в этих столах что-то неестественное, потустороннее, отчего волосы начинали шевелиться, а руки – неметь. Игарт выругался, достал складной нож, понимая, что это скорее для уверенности, чем для защиты, второй рукой сжал обломок кирпича и попятился к провалу в стене.

Внутри дома было черным-черно. Крыша рухнула внутрь, балки и перекрытия сгнили, на стене с другой стороны на одной петле болталась трухлявая дверь. Битый шифер и осколки стекла непозволительно громко захрустели под ногами – Игарт замер.

Донесся протяжный вздох, зашуршали опавшие листья, чернота подлеска задвигалась, и на поляну выползла горбатая, плохо различимая во мраке тварь. Задрав голову, она шумно втянула воздух, охнула и поплелась к трупу, обнюхала его и принялась чавкать и причмокивать. Хорошо, что в темноте не видно деталей.

Падальщик проклятый! Гребаный бредовый падальщик.

Когда тварь, упершись передними лапами в тело, пыталась оторвать кусок человечины, в лесу что-то рыкнуло, затем хрюкнуло и затопало так, словно сюда ломился взбешенный носорог. Минута – и на поляну выскочило нечто, отдаленно напоминающее кабана, за ним – второе такое же существо, но поменьше. Падальщик заскулил и поволок труп в кусты, но оттуда на него набросилась третья тварь стаи – он заверещал. Ломая ветки и подвывая, падальщик удалялся. Две псевдосвиньи с остервенением набросились на труп, третья удовлетвориласьдохлым монстром.

– Кра! – возмутился ворон с ветки.

Веселенькое место. Надо отсюда выбираться, но как? Прямо сейчас ломануться в лес? А вдруг твари бросятся следом? Есть вероятность, что они наедятся и уйдут. Но разве можно рассчитывать на вероятность в невероятном месте? Скорее, как обычно бывает в кошмарах, они пожрут трупы и захотят отведать свежатинки, так что правильнее, пока они увлечены, потихоньку исчезнуть.

На цыпочках Игарт двинулся к выходу – по шиферу, стеклам, штукатурке, надеясь, что чавкающие твари его не слышат. Прикоснулся к двери, тихонько ее толкнул – она слетела с единственной петли и погрохотала по ступеням – и, пятясь к лесу, глянул в темноту дверного проема. Сейчас твари рванут к нему, сметут, разорвут на куски.

Но, похоже, они были слишком заняты. Вытерев лоб, он рванул в лес, благо, было до него метров десять. Прижался к сосновому стволу, посмотрел на темный силуэт дома, послушал похрюкивание насыщающихся тварей. Здесь, если кто нападет, можно на дерево залезть и переждать. Только вряд ли поможет: если это кошмар, то воспаленное сознание сочинит тварей, которые будут атаковать и с воздуха.

Игарт убедился, что погони нет, и потрусил в чащу, вздрагивая от каждого звука. Сначала его гнал вперед страх перед плотоядными псевдосвиньями, потом их чавканье поглотил шорох спящего леса, и Игарт сбавил темп.

Передвигаясь со скоростью черепахи, он замирал, едва ему чудилось движение в черноте ночи. Лес дышал: выдох – сырой и теплый ветер зашелестел тонкими ветвями, вдох – воздух потек назад, прохладный, свежий, зазвенели сосновые иглы. Вдох – выдох – вдох. Лес смотрел глазами мышей, чуть слышно шуршащих

опавшей хвоей, выглядывал из глаз мелких хищников, притаившихся в норах и за кочками. Игарту казалось, что этот лес – огромный метаорганизм, который присматривается к нему, как к диковинному насекомому, решая, принять его или отторгнуть. А так же принюхивается, ощупывает ветвями кустов и остроконечными стеблями травы.

Отголоски памяти кричали, что здесь все неправильно. Игарт пытался ухватить их, встряхнуть, как должно быть правильно, но они ускользали угрями и зарывались в черноту. Он, конечно, бывал в ночном лесу и раньше. Только – в совершенно другом лесу. Без непонятных монстров и хищных свиней...

Сон? Но до чего же реальны ощущения! Скорее бы проснуться!

По лесу прокатился волчий вой. Игарт усмехнулся, поймав себя на мысли, что подсознание генерирует вполне логичные образы. Снится лес, значит, нужно туда кабанов, волков... Что еще? Избушку на курьих ножках? Змея Горыныча?

Волк завыл ближе. Игарт присел за папоротником и уставился на вырубку, поросшую молодыми соснами. Темным-темно, видны только очертания деревьев – серебристо-черная щетинистая линия. Вот колышутся щетки сосновых верхушек, и появляется морда. Вроде, волчья... Или песья? Точно – бультерьер. Приземистый, узкоглазый... Стоп! А глазок-то у него и нет.

Игарт сглотнул, выхватил нож... то есть ножик, и приготовился взбираться на сосновый ствол, потому что пес был не один. Стая. Как минимум, три твари. Они наступали единым фронтом, шумно втягивая воздух. Учужали, сволочи.

– Ща опохмелюсь, вообще исчезнете, – пробормотал Игарт и с сомнением взглянул на подходящую сосну.

Но псы не исчезли. Они были вполне реальными и даже воняли псиной, на их брылях поблескивала слюна. Первый шагал впереди остальных, наглый, уверенный в победе над жертвой. Мускулы перекачивались под кожей, покрытой бархатистой шерстью.

Игарт пятился, не желая проверять, как поведет себя глюк.

И вдруг пса подбросило, сплющило в блин, шмякнуло о землю – ошметки и кровь брызнули в разные стороны. Игарт едва успел закрыть лицо.

Остальные псы с визгом убрались в чащу.

«И что это было? Кара небесная?»

Игарт протер глаза, стряхнул с руки клочок шерсти вместе с кровью. Поморщился. По сути, пес его спас, поперся туда, куда собирался он. И что, благодарить его? Интересно, такая опасная ерундовина тут одна? Вряд ли.

Вспомнились гвозди и гайки в подсумке. Не просто так они там лежат. Наверное, помогают найти подобные ловушки. Бросаешь их перед собой... Игарт запустил руку в подсумок, сжал холодную гайку, швырнул в черноту... Ничего. Осторожно подошел примерно туда, куда она упала, нащупал вторую, кинул. Снова ничего. Затем – третью, четвертую... А вот пятая вспыхнула, ужаленная десятком фиолетовых ветвистых молний. Кра-со-та! И что, теперь путь свободен? Игарт предпочел обойти странное место, нащупал гайку, бросил... Она обо что-то ударилась – донесся удивленный возглас, и из мрака выступил человек. Хотелось верить, что человек, но после всего увиденного Игарт в этом сомневался и отступил в темноту.

Незнакомец поднял руки и шагнул навстречу.

– Спокойнее, бродяга. Я не желаю тебе зла, меня зовут Крис.

Игарт не спешил выходить к нему. Тогда Крис включил фонарик и осветил себя: волнистые волосы ниже плеч, высокий лоб, перехваченный белой лентой, грустные глаза, тонкий нос... очень и очень знакомое лицо. Доброе такое, открытое, располагающее. Однако на поясе – миномет Тип-89, за правым плечом – очертания АК и вроде виднеется ранцевый огнемет. Игарт напряг память, но так и не вспомнил, где видел этого типа раньше.

– Вместе безопаснее, пойдём! – Крис повел себя излишне доверчиво и повернулся спиной, глянул через плечо: – Так ты идешь, бродяга?

Игарт быстренько взвесил все «за» и «против» и вышел из темноты:

– Иду. Подожди.

Не нравился ему этот Крис: нарочито-вежливый, приторный, как сошедший с картинки из детских сказок. Точно что-то замышляет, пытается ослабить бдительность. Наверное, не разглядел, что в руке не пистолет, а перочинный ножик. Игарт сунул руку в карман – пусть и дальше заблуждается.

– Зачем ты мне помогаешь? Ты знаешь, кто я? – не выдержал он. – Боюсь, мне нечем отплатить тебе.

Крис остановился, приложил палец к губам и задрал голову, глядя на черные колонны сосновых стволов. Игарт тоже замер и уловил едва заметное поскрипывание, будто одно из деревьев точила личинка древесного жука.

– Не двигайся, – прошептал Крис, медленно-медленно потянулся к под сумку, так же неторопливо надел круглые, похожие на пилотские, очки, а потом опустил голову, выхватил миномет и жахнул вперед.

Полыхнуло, озаряя мерцающий полупрозрачный силуэт неведомого существа. Грохнул взрыв, и останки твари разметало по поляне.

– Упырь, – бесстрастно прокомментировал Крис. – Минут пять за нами следил, по пятам шел... Учись, парень. Я выведу тебя к деревне, и дальше будешь сам выживать. Кстати, как тебя зовут?

Игарт представился, рассматривая лежащую возле «берца» часть убитого монстра – щупальце размером с предплечье, и спросил:

– Где мы находимся? Что, черт побери, происходит? Откуда эти твари?

– Не поминай нечистого, – сказал Крис с укором, цепляя миномет к поясу. – Мы в Зоне. Что происходит... Ты сам должен найти истину, никто ее тебе не откроет.

Сумасшедший проповедник, решил Игарт и потопал за Крисом. Хотелось напасть на него, связать и выпытать правду, но было ясно: его правда отличается от объективной реальности и вряд ли будет полезна.

- Что это за место и почему ты мне помогаешь? – не унимался Игарт.

- Работа такая, – ответил Крис. – Место – Зона, я же говорил. Помолчи, пожалуйста, не привлекай к нам внимание мутантов. Сейчас будет заброшенный дом, там и расскажу тебе все, и напутствие дам.

Игарт поскрипел мозгом и решил, что Крис – работороговец, надо быть с ним начеку. Может, автомат отобрать? Или не стоит пока рисковать: проводник один, другого нет.

* * *

Сторожка, которую обещал проводник, оказалась маленькой, необитаемой, на подходе к ней не наблюдалось даже чужих следов. Окон нет, крыша плоская, бетонная, площадь домика – квадратов двенадцать от силы. Крис, а за ним – Игарт вошли в железную дверь, щелкнул засов, и воцарилась абсолютная темнота. Игарт прижался к стене, Крис зашуршал целлофаном, чиркнул спичкой – по оштукатуренным стенам потянулись колыхающиеся тени. Зажег огрызок толстой свечи – тени укоротились и потемнели.

Настроен Крис был, похоже, действительно мирно. Положил автомат на единственную полку, заставленную коробками, водрузил свечу на старинный стол, заляпанный воском, сел на табуретку, отстегнул миномет, уставился на него с любовью:

- Очень полезная вещь, весит чуть меньше пяти килограммов. Советую завести такой же. Устал всем объяснять, что добро должно быть с кулаками.

- Именно так, – кивнул Игарт и сел на табурет. – Долго до ближайшего населенного пункта?

- Два километра, час ходьбы...

- Час?!

- Да, по Зоне не побегаешь, везде аномалии.

Игарт не утерпел, от бессилия вскочил и ударил в стену кулаком. Зашипел, сбив костяшки.

– Да что тут творится? Я ничего не помню, даже своего имени. Мне кажется, что это тело, – он огладил камуфляжную куртку, свое лицо, – чужое. Вокруг творится натуральный дурдом. Откуда она взялась, твоя Зона?! Почему я тут? Чудовища, аномалии эти... И еще ты мозги компостируешь!

– Успокойся, – Крис поднял руки. – Не знаю, что вы все тут ищете, в Зоне. Кто за артефактами охотится, кто правды хочет, кто еще чего-то.

– Философ, блин! Может, у тебя лишний пистолет завалялся? Отдай его мне, раз уж так хочешь помочь.

Крис промолчал.

Посидев на трехногом табурете, Игарт вскочил, принялся мерить шагами комнату: три шага вдоль и три поперек, тесный каменный гроб. Наконец замер и посмотрел на Криса, положившего подбородок на скрещенные руки. Лицо его, озаренное бликами трепещущей свечи, казалось потусторонним.

– Мне надо знать, что происходит. Кто ты такой, зачем помогаешь...

– Я это уже слышал и, если бы мог помочь, уже бы сделал это. Вот придем в деревню, там и людей расспросишь, и оружием разживешься. Наверняка тебе подскажут и с удовольствием помогут.

– Хорошо. Но что ты хотел мне рассказать?

– Вот этот вопрос мне нравится, – просиял Крис. – Присядь. Тебе надо ориентироваться в Зоне, иначе долго не протянешь. Предупрежденный – вооружен.

Игарт подпер голову руками и приготовился внимать. Говорил Крис складно, длинными предложениями, голос тек ручьем. Он рассказал о мутантах, аномалиях, артефактах, о группировках Зоны, взрыве в энергоблоке, о том, как изменилась реальность, о недавно появившейся секте Черных Сталкеров,

которые перебили Хранителей саркофага и заняли их место. О комнате, исполняющей желаний. Попавший в эту комнату как бы сам становится ее частью.

Повеяло чем-то знакомым, из прошлой жизни. Где-то Игарт это уже слышал. Или не только слышал? Выходит, он – сталкер, собирает артефакты, продает их и с этого живет? Ощущения молчали. Наверное, так. Иначе почему он так быстро сориентировался в Зоне?

Все более-менее стало на свои места. Только для Криса не нашлось места в системе правильного и должного. Очень уж он странный. Появился в нужное время роялем из кустов, защитил, приютил, все рассказал, только что спать не уложил. Он будто специально по лесу шарахается, чтобы помогать заблудшим сталкерам. Или кто-то оставил его как намек на что-то важное. Но тогда чего он водит за нос и не говорит ничего толкового?

Игарт потер виски и тяжело вздохнул. Крис по-своему расценил вздох и проговорил:

– Да, нам тут нелегко живется. Пойдем дальше, и пусть Зона будет к нам благосклонна!

– Это точно, – Игарт поднялся – по стене расползлась его тень, подперла головой потолок. – Мне бы еще что-нибудь из оружия. Вдруг с тобой что случится.

– Нет у меня ничего. Потерпи до поселка, – ответил Крис, поспешил палец и погасил фитиль свечи.

Маузер

– Сорок минут, – прозвучал в трубке Ольгин голос. – Ждет тебя. Что-то важное. А ты – свинья.

Маузер крутанул руль, перестраиваясь в скоростной ряд, и до упора вдавил педаль газа. Серебристый внедорожник шарахнулся от дерзкой «Шкоды Фабии»

с разбитой фарой и недавно отрихтованными, но еще не покрашенными крыльями. Завизжали шины, запричитали на несколько голосов клаксоны.

– Да понял-понял! Сам такой! – проворчал Маузер, глядя в зеркало заднего вида, как водитель внедорожника жестами выражает сомнение в умственных способностях хозяина «Шкоды». – Оль, я тут мужика какого-то из-за тебя подрезал, вони теперь...

– Я советовала отменить все встречи на сегодня, но ты – упертый, зла на тебя не хватает.

Маузер представил, как Ольга говорит с ним, спрятавшись за монитор секретарского компьютера. Одной рукой, на которой блестит обручальное кольцо с сапфиром, прижимает к ушку айфон, ладонью второй для верности прикрывает рот. Оля старается говорить как можно тише, но клиентка все равно ее не слышит: клиентка топчется в коридорчике перед приемной, разглядывая висящие на стенах грамоты и дипломы Маузера.

– Работа есть работа, – буркнул в ответ Маузер, высматривая в потоке автомобилей просвет. – Гребаные пробки! И гаишник остановил, явно нюх потерял... Забомби ей кофе, что ли!

– Не хочет она кофе, – Оля машинально бросила взгляд на кофейную машину, стоящую возле дверей в кабинет Маузера. – Она говорит, что и так нервы ни к черту.

– Тогда налей вискаря, – предложил Маузер и тут же ругнулся: – Твою мать! Светофор!

– И-игорь, – протянула Ольга. – Как же ты доста-ал...

В словах Ольги не было ни кванта злобы или недовольства, Маузер ощущал это даже на расстоянии. Ольга просто волновалась. Как секретарь и как супруга. Ведь детективное агентство «Маузер» – общее семейное дело Игоря и Ольги Коваль.

– Много людей пришло? – внезапно спросила Ольга.

– Людей я там что-то не заметил, – Маузер, прищурившись, смотрел, как на табло светофора меняются цифры. – Пара кретинов, пара подонков, один предатель и трус. Было стыдно нести с ними гроб.

– Любишь же ты людей, – вздохнула Ольга.

– Они отвечают мне взаимностью, – Маузер потянулся к открытой пачке «Парламента», сунул сигарету в зубы, щелкнул зажигалкой. – Лучшие уходят, а дерьмо всегда на плаву.

– Когда ты в последний раз виделся с Костей?

– После Чечни, считай, не встречались, – отрезал Маузер. – Так, разве что мельком, – он сердито выпустил дым через ноздри. – У него своя семья, у меня – своя. У него ранение, проблемы, у меня – тоже... то из ментовки поперли, то агентство раскручивать нужно было... Теперь уже не встретимся.

– Кто знает... – бросила Ольга.

– А что тут знать? – вспыхнул Маузер. – Нет, Оля, когда стоишь над гробом друга, то появляется такая мыслишка: мол, а вдруг мы еще встретимся? Только все это пустые иллюзии, нет никакого того света, есть только чернота! Кто-то уходит в эту черноту после остановки сердца, а кого-то она поглощает при жизни.

– Знаешь что, Маузер! – Ольга всегда называла мужа по прозвищу, когда у нее портилось настроение. – Ехал бы домой жрать виски в одно горло. Какая сегодня работа? Только всем нервы мотать!

– Нет, – Маузер снова вдавил педаль газа. – В кризис, дорогуша, заказами не разбрасываются. И машину ремонтировать надо.

Ольга фыркнула, а затем проговорила в сторону, обращаясь к клиентке, которая снова вошла в приемную:

– Шеф будет с минуты на минуту! Воды? Пожалуйста! Есть с газом и без газа. А еще у нас здесь вай-фай очень быстрый...

– Оль! – ласково позвал Маузер. – Держись, малыш! Я скоро!

* * *

Он действительно одолел последний отрезок пути минут за десять. Небрежно припарковался перед офисным центром, распугав голубей. Забрал с заднего сиденья чуть помятый пиджак и выпрыгнул из салона.

На лучшем месте парковки, в тени одинокого клена, стоял желтый «Астон Мартин» с тонированными до черноты стеклами. Интуиция подсказала Маузеру, что эта машина принадлежит его терпеливой клиентке.

Как ни странно, серебристый внедорожник водителя, обиженного маневром Маузера, остановился рядом с «Астон Мартин», въехав передними колесами на тротуар. Хлопнула дверца, и вышел сам обиженный. Он был еще молод, но уже лыс; круглолиц и розовощек, гладко выбрит и обильно надушен дорогим парфюмом. Килограммов сто двадцать парного мяса и чистейшего сала, облаченные в белую безрукавку и белые брюки. Такого бы на Украину отправить, там бы его президентом выбрали.

– Эй, достопочтенный! У тебя что тачка, что рожа! – толстяк захихикал, видимо, он был все-таки больше сангвиник, чем холерик.

– Пойди, сосни пивка, – посоветовал Маузер, – а то сегодня жарко.

Сказав это, он поспешил прикрыть пиджаком подмышечную кобуру с «травматиком», чтобы толстяк не подумал дурного и не испачкал белоснежные штанишки раньше времени.

«Рожа как рожа, – размышлял Маузер, направляясь к парадному. – Считай, что повезло: раскаленный осколок танковой брони вскользь прошел. Шрам теперь удачно замаскирован цветной татухой: оскалившейся химерой, как на обложках альбомов «Арии».

– Хиппи! – крикнул вслед Маузеру толстяк.

«Да! – спохватился Маузер, – С волосами надо тоже что-то сделать!»

У него были длинные, до плеч, черные с проседью волосы. В такие жаркие, как сегодняшний, дни он забирал их в хвост.

Перед самыми дверями агентства он остановился и дыхнул на ладонь. Перегар почти не ощущался, но Маузер на всякий случай бросил в рот жевательную резинку.

Клиентка ждала его в кресле напротив стола Ольги. Маузеру хватило мимолетного взгляда, чтобы оценить стоимость дизайнерского платья, туфель и сумочки этой молодой женщины. В глаза бросился блеск кристаллов Сваровски в серьгах. Клиентка будто зависла, устремив взор в бесконечность. «Линзы дополненной реальности, – сообразил Маузер. – Новейшая разработка “Сигмы”».

– Госпожа Артюхова! – поприветствовал ее Маузер. – Прошу прощения! Повсюду адские пробки!

Артюхова вздрогнула, перевела на него взгляд и грациозно поднялась. Удивительно, но эта барышня не выказала ни тени недовольства. Похоже, ее и впрямь припекло...

– Сама добиралась часа два. – У нее мелодичный и поставленный голос. «Телеведущая!» – вспомнил Маузер. – Если вы не против, мне бы хотелось сразу перейти к делу.

Маузер посмотрел на Ольгу: жена тряхнула каре и едва заметно улыбнулась, показывая, что она рада его прибытию. У Ольги были красивые лучистые глаза: в них жила не льдистая синева зимы, а тепло самых ярких звезд.

– Оля, а кто у нас сегодня еще? – спросил Маузер.

– Аноним из «Газпрома», – мгновенно включившись в игру, соврала супруга. – Но у него назначено на четыре часа.

– Если что – подождет! – сурово бросил Маузер. – Госпожа Артюхова, прошу! – И он распахнул перед клиенткой дверь своего кабинета.

Татуировка Маузера действовала на людей гипнотически.

Хотели они того или нет, но в первые минуты беседы их внимание было приковано к оскаленной химере с бронированным телом и пылающими глазами, что жила на правой щеке и скуле детектива. Приглядевшись, люди понимали, что бугристое, покрытое роговыми пластинами туловище чудовища на самом деле – нагромождение шрамов. Это понимание приводило в шок.

А Маузер использовал это время, чтобы изучить опешившего собеседника.

Или собеседницу, как в случае с Артюховой Анжелиной Валерьевной.

Он уже навел о клиентке кое-какие справки.

Тридцать два года, замужем, детей нет, бывшая тележурналистка, работала в нескольких проектах, посвященных событиям светской жизни. В качестве участницы засветилась в «Танцах со звездами» и «Последнем герое». Теперь не работает, не снимается, сидит на шее у мужа-толстосума и в ус не дует.

Платиновая блондинка с длинными спрямленными волосами. Выразительные зеленые глаза, длинный, но аккуратный нос с едва заметной горбинкой, маленький рот. Пара родинок – над верхней губой и на скуле, крохотное родимое пятно на шее.

Не красивая, а скорее ухоженная и эффектная. Безусловно, привлекательная.

– Что же привело вас ко мне, Ангелина Валерьевна? – начал разговор Маузер, открывая ноутбук.

Ангелина через силу оторвала взгляд от гипнотической татуировки.

– Это касается моего мужа... – сказала она неожиданно глухим голосом, Маузер уж подумал, что дама хочет установить слежку за неверным мужем, но был удивлен неожиданным поворотом: – Он пропал...

«Крупный заказ!» – мысленно возликовал Маузер и прикинул возможную смету. Выходило, что он все-таки не ошибся, отправившись после похорон друга в

агентство, а не домой – напиться и крушить мебель.

– Муж – Игнат Артюхов, пятьдесят четыре года, учредитель инновационного фонда «Сигма», член совета директоров банковского объединения «Москва-Групп»? – уточнил Маузер.

– Да, – кивнула клиентка.

– Как давно он исчез?

– Третьи сутки... – проговорила она тихо.

– Вы обратились в полицию?

Бывшая тележурналистка снова кивнула.

– И что? – любопытно спросил Маузер.

Клиентка развела руками:

– Ищут. Но мне кажется, что дело у них продвигается ни шатко ни валко. Постоянно возникают всякие дурацкие вопросы, беспочвенные подозрения, какие-то намеки пошлые... и иногда мне кажется, что менты готовы, скорее, упрятать в обезьянник меня. Да... – она всхлипнула. – Только за то, что я побеспокоила их, обратившись за помощью.

– Я понимаю, – участливо прогудел Маузер. – Продолжайте.

– Понимаете ли, я люблю своего мужа, – с нажимом произнесла клиентка, – и хочу использовать все средства, чтобы найти его. Полиция полицией, пусть ведет расследование официальным путем... – она замолкла, не договорив фразу, потупила взгляд.

«Все с тобой понятно, дорогуша, – Маузер погонял стрелку курсора по рабочему столу, покликнул на пустом месте, – тебе нужен сыскарь, который бы круглыми сутками рыл землю, когда нужно – плевал на законы, подкупал информаторов, бил морды и стрелял с обеих рук. И ты пришла ко мне. Репутация, блин!»

Маузер пододвинул клиентке выдраенную Ольгой пепельницу. Госпожа Артюхова сейчас же выудила из сумочки пачку тонких сигарет. Маузер все так же мысленно поблагодарил ее за то, что она избавила его от необходимости отвечать на вопрос, мол, а как вы догадались, что я курю? Ну, и от прочей конандойлевщины.

- Вы позволите называть вас Ангелиной? - Маузер тоже поспешил закурить.

- Позволю, - отозвалась клиентка.

- Ваш супруг - влиятельная персона, - Маузер забарабанил по клавиатуре ноута, подписывая новую папку «Игнат_Артюхов_12_08_17». - Я возьмусь за это дело, но мои услуги в вашем случае обойдутся недешево.

- Кто бы сомневался. - Ангелина постучала ногтем большого пальца по фильтру, стряхнула пепел. - Я готова заплатить задаток, но основную часть суммы - только после того, как вы найдете Игната.

Маузер махнул сигаретой, мол, пустяки, договоримся. Развернул ноутбук к клиентке, показал, что он собирается записать разговор в виде аудиофайла.

- Валяйте, - позволила Ангелина и глубоко затаилась.

- В таком случае я прошу вас рассказать подробнее, что делал или планировал сделать ваш муж в день исчезновения - девятого августа?

Ангелина достала айфон, открыла органайзер. Вскинув тонкие брови, заговорила:

- Девятого у него был загруженный день. В восемь часов - планерка в «Сигме» с директорами филиалов, в девять - прием посетителей, в час дня - обед с двумя чиновниками из Академии наук, в четырнадцать часов - посетить главный офис «Москва-Групп», на пятнадцать тридцать была запланирована встреча в Госдуме с председателем бюджетной комиссии, затем, вечером, он собирался вернуться в «Сигму» и провести переговоры с подрядчиками. Ну, а после, - Ангелина вздохнула, - он хотел отправиться к Шуляку: они играли в бильярд в клубе «Сноб».

- Как-как? Шуляк? – переспросил Маузер.

- Соучредитель «Сигмы», – пояснила Ангелина. – А также – один из членов совета директоров «Москва-Групп», как и Игнат.

Маузер поджал губы. Он вспомнил Шуляка: этот коротко стриженный седой мордovorot с кривым носом боксера, приклеенной улыбкой и глазами-стекляшками мелькал на всех более или менее значимых светских раутах, у него часто брали интервью, еще он был известен благотворительностью и излишне демонстративной, чтобы быть искренней, дружбой с духовенством. Такой себе образцовый успешный бизнесмен, до приторности правильный. Вот только сломанный нос был не из этой оперы и наводил на мысли о сомнительном прошлом Шуляка.

- Вам известно, все ли мероприятия посетил ваш муж?

- Полиция выяснила, что в без четверти три он отпустил водителя, пересел на свой «хаммер» и отправился из «Москвы-Групп» в Госдуму. Но там его так и не дождались, хотя сам председатель депутатской комиссии несколько раз звонил на оба мобильника и даже перенес совещание по антикризисным мерам. Игнат в Госдуме так и не появился, его телефоны молчат, – Ангелина раздавила сигарету в пепельнице и снова потянулась к пачке. – Вы знаете, мой муж очень жестко водит машину, и я боялась, что он попал в аварию и разбился к чертям собачьим. Но, по данным полиции, ни в Москве, ни в области в те сутки не было зарегистрировано ДТП с участием «хаммеров».

- Собирался ли он покинуть Москву в ближайшее время?

- Нет, у него было много дел, связанных с развитием «Сигмы» и антикризисными мероприятиями. Игнат – хозяйственник, ему важно быть на месте событий, чтобы контролировать ситуацию. Это я собиралась в Лос-Анджелес в начале сентября.

- Какие у вас были отношения с мужем?

- Ха, менты тоже спрашивали... – Ангелина посмотрела в сторону. – Нормальные отношения, хоть раз в неделю, но трахались. – Она повернулась к Маузеру и с

вызовом проговорила: – Да поймите, если бы у Игната была другая женщина и он захотел уйти к ней, то он просто собрал бы вещи и тупо переехал! Он не стал бы бросать все дела и исчезать!

Маузер не стал бормотать «не волнуйтесь» да «успокойтесь», потому что догадывался: Ангелина до отвращения наслушалась эдаких песен в полиции. Он перевел взгляд на экран, откуда на него смотрел Игнат Артюхов, лысеющий с висков, умудренный сединами мужчина. Массивное прямоугольное лицо, лоб большой, открытый, тяжелый подбородок, взгляд тоже тяжелый, удавий такой взгляд, нос обычный, безгубый рот с опущенными уголками. Сложно было представить, как этот человек смеется. Ну и самая запоминающаяся деталь – крупные, чуть оттопыренные уши, которые не шли к этому чрезмерно серьезному лицу.

– Кому было бы выгодно исчезновение Игната? – продолжил он опрос.

Ангелина призадумалась. Почесала бровь, поерзала в кресле, затем указала на Маузера сигаретой.

– Так, записывайте...

* * *

Ольга проводила Ангелину и сразу же вошла в кабинет к мужу.

Маузер с задумчивым видом крутил на полированной столешнице «травматик». Он успел стащить с себя пиджак и распустить волосы, рассыпавшиеся по футболке с символикой «System of a Down».

– Играешь в «бутылочку»? – Ольга покосилась на пистолет, который вращался на середине стола.

– Ага, – согласился Маузер. – Прыгай сюда, поцелую.

– Держи карман шире, – поджала губы Оля, но все-таки подошла, позволила обнять себя за талию и усадить на колени.

Маузер поцеловал плечо жены.

- Ну, как дела? - спросила она, взлохматив детективу волосы.

- Плохо, - нахмурился Маузер. - Представляешь, меня на стоянке какое-то мурло обозвало хиппи.

- И что теперь?.. - проворковала Ольга, продолжая забавляться с волосами мужа.

- Собираюсь в парикмахерскую.

- Хммм. Давно пора, если честно.

- Если бы ты знала, как я ценю тебя за простую житейскую мудрость, - Маузер поцеловал Ольгу в шею.

- А как заказ? - спросила, закрыв глаза, она.

- Заказ хорошо, - Маузер поцеловал жену в висок. - Заказ - ну просто няшка.

- Опасный?

- А как же...

- Ну, тогда все в порядке.

Они тихонько рассмеялись, словно два юных проказника, задумавшие рискованный розыгрыш.

- Ты заметил? - Ольга внезапно отстранилась и пытливо заглянула Маузеру в глаза.

- Ничего такого, - рассеянно ответил детектив. - Она хорошо держалась, несмотря на волнение: сказывалась телевизионная выучка. Не врала, хотя и недоговаривала. Но недоговаривают практически все, поэтому это нормально.

- Ноу-ноу-ноу, - Ольга фыркнула. - Я имела в виду себя.

Маузер нахмурился:

- Ты снова поправилась?

- Дурак! - Ольга легонько ударила мужа по плечу. - Я же в линзах! И Артюхова в линзах была, разве не заметил?

Он присмотрелся и только тогда разглядел почти неуловимую поволоку на глазах жены.

- Ты все-таки купила... а как же крутейшие гугл-очки?

- Гугл-очки - это уже стимпанк, - отмахнулась Ольга. - К тому же они мне не очень подходят из-за моего плохого зрения. Приходится «гуглы» снимать, надевать «оптику», потом снова снимать «оптику», надевать «гуглы».

- Так ты сейчас в сети? - прищурился Маузер.

- А то!

- И что там в новостях?

Ольга отвела взгляд, наморщила лоб:

- Исчезновение Игната Артюхова - в топе. Если ты принял заказ, то скоро журналисты повалят за комментариями и к нам.

- Я будут отстреливаться.

- Попробуй только, - Ольга погрозила пальчиком. - На вопросы разрешаю не отвечать, но каждому вручишь по визитке. Вот это пиар так пиар...

– Увы, но платят нам не за то, чтобы мы светились перед камерами и давали интервью, – Маузер пригладил взъерошенные волосы. – Надо бы провести небольшую разведку боем.

– Пока нам вообще ни за что не платят, – Ольга спрыгнула с колен мужа, отступила к дверям. – Пойду, проверю счета.

Маузер хмыкнул:

– Оль, ты же теперь можешь делать это через линзы.

– Вот черт. Действительно, – Ольга рассмеялась. – Тебя не проведешь!

– И попробуй разбери – то ли ты со мной общаешься, то ли чатишься «В контакте» с умный и симпатичным одноклассником, который приходил к нам настраивать компьютеры.

– Да ну тебя, – смутилась Ольга. – Артюхова, кстати, перечислила гонорарий, можешь начинать оперативно-розыскные мероприятия.

– Хорошая девочка, – отозвался Маузер.

– Кто? – сверкнула глазами Ольга.

– Безусловно – ты. Я позвоню оборотню в погонах, – Маузер потянулся к мобильнику.

– Работай! – Ольга улыбнулась, выскользнула за порог и плотно закрыла дверь.

Маузер закурил, развернул кресло к окну, распахнул створки, впустив в кондиционированную прохладу запах пыли, пожухлой травы и выхлопных газов. Солнце висело над крышей торгового центра, озаренной нимбом голографических реклам. На площади перед торговым центром было безлюдно, если не считать притаившегося в тени, словно в засаде, аниматора в костюме хот-дога.

Майор Долгоруков, которого в главке все называли Рукастым, поднял трубку после первого гудка.

- Ру... Долгоруков, - просипел он.

- Здорово, Рукастый! - Маузер опустил спинку кресла, забросил ноги на подоконник и растянулся, словно на диване.

- Кто? - поскучнел майор, смекнул, что не начальство беспокоит, а кто-то из друзей-приятелей.

- Орехов Василий Васильевич.

- А, Маузер, - Рукастый приободрился. - Что ты решил насчет субботы? Брать на тебя водку? И за мясом ехать некому, а ты у нас на вольных хлебах, сам себе господин.

- Да погоди ты! - не выпуская из зубов сигареты, проворчал Маузер. - Я сегодня заказ принял, клиентка параллельно ищет справедливости и в вашей конторе.

- Ага, - Рукастый снова поскучнел. - Кто?

- Жена пропавшего Игната Артюхова, слышал о таком?

- Артюхов, Артюхов, - забормотал, стуча по клавишам, Рукастый. - Да! Знакомые все люди! Ты переехал в столицу после двухтысячного года, поэтому об Артюхове слышал только то, что о нем заливали в светских хрониках.

- Во бля! - удивился Маузер. - А супруга его уверяет, мол, красавчик, хозяйственник, страну спасает от кризиса.

- Артюхов - бывший бандюк, - убежденно проговорил Рукастый. - Хотя тебе ли объяснять, что бандерлоги бывшими не бывают. Женушка его идеализирует, но она всего лишь тупая звезда и не видит дальше своего длинного носа.

- Ну-у... - Маузер пихнул голубя, который уселся на подоконник рядом с ногами детектива и уже начал примеряться, как бы побольнее клюнуть. - Ангелиночка

мне тупой звездой не показалась, я-то в людях разбираюсь.

– Ты, Маузер, разбираешься с людьми, а не в людях, – съязвил Рукастый. – А в девяностых, по молодости, Артюхов чем только ни промышлял: на нем и контрабанда оружия, и рейдерство, и финансовые аферы... Посадить собирались, но адвокаты подсуетились, то-се, отмазался, короче.

Маузер молча кивнул. Вытащил новую сигарету, прикурил ее от старой.

– Потом, само собой, Артюхов легализировался. Ну, якобы, – продолжил, войдя во вкус, Рукастый. – С криминалом – ни-ни. Высокие технологии, благотворительность, медицина. Теперь в друзьях депутаты, и с самим презиком ручкается... То есть – ручкался.

– Думаешь, его убрали?

– Скорее всего, – легко согласился Рукастый. – Жадный стал, не поделился с кем-то. Например, с партнером со своим – с Шуляком. Слыхал о таком?

– Ангелина говорит, что Шуляку меньше, чем кому-либо, выгодно исчезновение Артюхова. Шуляк – живая говорящая кукла, лицо бизнеса, а мозг – это Артюхов.

– Кто знает, что у него на уме. Может, Шуляку просто надоело быть второй скрипкой? – предположил Рукастый.

– Хорошо, Саша, спасибо тебе, – Маузер выбрался из кресла, принялся ходить по кабинету туда-сюда; его уже тянуло взять след: найти, настигнуть, вывести на чистую воду. В мире развелось слишком много засранцев, которым живется вольготно. Прижать бы их к ногтю, словно блох, и наслаждаться треском... – Можешь выяснить, кто ведет дело?

– Женя Минин, – сразу ответил Рукастый. – Ты его не знаешь, недавно из Питера перевелся.

– Нормальный мужик?

– Нормальный, только не переносит на дух художественную самодеятельность, вроде частного сыска и прочего скоморошества. Но... – Рукастый замялся. – Если ты будешь делиться с ним информацией, то и он потерпит вольнонаемного детектива на своем огороде.

– Странные какие-то расклады, начальник, – делано удивился Маузер. – Ты нам то, а мы вам это...

– Как в компьютерных бродилках! – рассмеялся Рукастый. – Играешься, наверное, когда заказов нет?

– Даже не знаю, что это такое, – отрезал Маузер.

– Да ну! – продолжал веселиться майор. – Вся страна играет, а ты – нет?

– Работать надо, а не играть! – произнес назидательно Маузер. – Потому-то и страна в жопе, когда даже опера² в компьютерные игры режутся, как задроты офисные, как ботаны, пальцем деланные!

Он выглянул в окно: хот-дог пытался завязать знакомство с двумя девушками, похожими на старшеклассниц. Девушки снимали аниматора телефонами и звонко смеялись. «Идиллия, мать вашу! Жаль, нет снайперской винтовки!»

– Маузер! – умоляюще протянул Рукастый. – Не выноси мозги, старик! Бурчит все, бурчит, как простатник...

«А я сегодня похоронил друга», – хотел было поделиться Маузер. Но словно сработал предохранитель, и детектив не сказал ни слова. Да и зачем? Сашка Долгоруков с покойным знаком не был. На фига ему чужая головная боль?

– Ты скажи лучше, водку брать на тебя или нет? Приезжай, я сам куплю мяса, хрен с тобой, если ты такой лентяй. Приезжай, оттопырится, обсудим заодно и твое дельце.

– Ладно, Рукастый, я тебе перезвоню. Спасибо за ориентировочку на этого Артюхова.

– Давай! Удачи, старик! Будь здоров!

– Пока!

Маузер бросил мобильник на стол. Согнал рассеявшихся на подоконнике голубей и с удовольствием проследил, как сизая стая пронесется над ходячим хот-догом, подкрашивая сосиску из папье-маше в светлые тона.

Затем опустился в кресло, постучал рукоятью пистолета по столешнице и проговорил:

– Оленька! Сделай-ка мне кофе!

Глава 2

Игарт

Крис топал впереди с автоматом на изготовку, Игарт – следом и постоянно оглядывался. Катастрофически не хватало оружия – винтовки, пистолета... да хотя бы кухонного ножа! Сосредоточенный проводник бросал перед собой гвозди, ждал две-три секунды и только тогда трогался с места. Попутчика он демонстративно не замечал, перестал отвечать даже на самые безобидные вопросы.

Волосы Криса отражали сияние звезд, и казалось, будто светится он сам – черная фигура в синеватом ореоле. Но вскоре небо покрылось белесыми полосами тумана, и очень быстро его затянуло полностью. Видимость стремилась к нулю. Крис нацепил налобный фонарь и включил его, но это не спасало – луч, рассеиваясь, тонул в молоке.

То тут, то там из марева выплывали сосновые стволы, стоило отойти от них на два-три метра, как они снова исчезали. Гулкие звуки будто застревали в вате.

Хотелось выставить перед собой руки, чтоб не напороться на сук. Шелестели ветви, чудилось, что кто-то крадется в тумане и сверлит спину алчным взглядом.

Начало светлеть, но видимость от этого не улучшилась. Похолодало, и в отсыревшей одежде зуб на зуб не попадал. Футболка холодной тряпкой липла к спине. Вроде носки в «берцах» промокли. Да что там, даже кости от сырости заржавели, и суставы терлись друг о друга.

Заверещал счетчик Гейгера. Крис потоптался на месте и взял влево.

– Очаг радиации. Значит, сбились с тропы – радиоактивные болота у нас на западе, – объяснил он. – Придется возвращаться. Если, конечно, это не Зона специально нас водит.

Игарт отметил, что земля влажная, совершенно мертвая. Ни травинки, ни кустика, лишь иногда нога ступала на круги зелено-ржавого мха, похожего на ожоговые струпья.

– Зона, значит, водит? – проговорил он, поражаясь, до чего же глухо звучит собственный голос.

– Случается, – ответил Крис, потом замер, швырнул перед собой гайку и пошел дальше. – Бывает, попадаешь будто во временной пузырь и бродишь, бродишь – час, два, сутки. Говорят, недавно нашли пятерых – все тощие, еле на ногах держатся. Пять суток их Зона водила – и ни аномалий, ни мутантов...

– А сам пузырь потом куда девается? – продолжил познавать мир Игарт.

Силуэт Криса пожал плечами.

– Изживает себя. Зона все время разная. Например, еще вчера ты ходил этой тропой, а сегодня она смертельно опасна. Только вблизи поселков аномалий нет, там можно передохнуть... Не двигайся.

Стали друг к другу спиной. Крис молча снял АК и протянул Игарту, а сам взял в руку миномет и прошептал:

- По-моему, рядом упырь. Невидимый, кружит вокруг нас. Тссс!

Впервые за долгое время Игарту сделалось жарко. Держа палец на спусковом крючке, он впился взглядом в муть тумана, окаменел и напряг слух. Стояла такая тишина, что он слышал дыхание Криса. Плеснула вода, зашлепали стопы по земле - Игарт выстрелил очередью на звук. Крис оттеснил его и с криком: «Ложись!» жахнул из миномета. Дохнуло жаром. Грохнуло так, что заложило уши. На голову посыпались куски земли, запахло жженым мясом. Игарт поднял голову: в нескольких метрах горело слепящее солнце и жарило так, что пересыхали глаза. Туман скворчал и отползал, обнажая эпицентр: пульсирующий огненный шар. Еще одна аномалия. Вроде бы, Крис ее топкой называл.

- Упырь - это хорошо, - проговорил Крис, поднимаясь. - Значит, мы просто сбились с пути.

Прикрывая рукой лицо, он хищно глядел на аномалию и облизывался, словно хотел ее проглотить. Вскоре она начала угасать, температура снизилась, и к черной дымящейся проплешине потянулись струйки тумана.

Когда огненную язву на теле Зоны затянуло туманом, Крис направился туда; растворившись в белом мареве, издал радостный возглас и с видом победителя шагнул к Игарту. В руке он сжимал нечто, напоминающее фигурно застывшую магму.

- Сплав! - он с видом победителя поместил добычу в контейнер. - Полезная штука, и довольно редкая. Пока сам попользуюсь, потом продам. Силы отнимает, зато регенерацию повышает и радиацию выводит. Кстати о радиации! - Крис отстегнул от пояса флягу и протянул Игарту: - Хлебни. Лучшее средство от радиации. А автомат отдай. Спасибо.

Артефакт так обрадовал Криса, что он буквально сиял. Казалось, что еще немного, и крылья за спиной развернутся. Станный тип. Игарт понемногу начал ему доверять, хотя отголоски памяти твердили, что верить нельзя никому.

Открутив крышку, он принялся: спиртом шибает. Водка, что ли?

- Пей-пей, - подбадривал Крис. - А то потом неделю будешь восстанавливаться.

Пищевод обожгло. Она, родимая. Похоже, с перцем. В желудке запекло, и уже через минуту голова приятно закружилась, даже цвета вроде стали ярче. Игарт отметил, что раз его накрыло с трех глотков, значит, или он давно не ел, или не злоупотребляет горячительными напитками. А может, и то и другое. Раз он знает такие вещи, значит...

– У меня ведь восстановится память? – в который раз спросил он.

Крис не отреагировал, повертел головой, будто не услышал вопрос, и потопал дальше.

Десяток шагов – и из тумана выплыл частокол вперемежку с листьями ржавого металлопрофиля, оплетенный колючей проволокой. Вполне приличные сизые ворота не вписывались в общую картину.

Заперев за собой створки, Крис зашагал внутрь огороженного поселка. Из-за тумана трудно было предположить его размеры.

Остановились напротив бревенчатой стены сруба. Аккуратно сложенные поленья почти сливались с ней. Вспыхнула память: детство, смеющаяся сестра, и он прячется за бревнами, похожими на те, что свалены в кучу.

– Стой, кто идет! – донесся встревоженный мужской голос.

– Свои, Бад, не волнуйся.

– Крис, опять ты? – Тревога исчезла из голоса сталкера, секунда – и появился он сам. Расплывчатое пятно на глазах обрело форму, и вот, перешагнув кучу дров, с Крисом обнимается небритый, стандартно-усредненный мужик в бандане, с автоматом через плечо. Встретишь такого через пять минут в толпе – не узнаешь. Будто его выдернули из массовки и дали эпизодическую роль.

– О, найденыш! – обрадовался Бад, рассматривая Игарта. – Ну чё, добро пожаловать в нашу «Гавань». Жрать, небось, хочешь?

– Не совсем. У меня другое голодание, информационное, – парировал он.

– Ну, проходите, – Бад скрипнул дверью, пропуская Крису вперед. – Только оружие сдай, как обычно.

Игарт, шедший последним, с интересом посмотрел на здоровенный ржавый топор, вонзенный в пень для колки дров.

Уже на пороге в нос шибануло табаком, пивом и жареным мясом. В баре гудели посетители, рычал бензогенератор и, похоже, стрекотал вентилятор. Но прежде чем попасть к людям, надо было разоружиться и миновать камеру охранников, где чистил пистолет еще один мужик, похожий на Бада, как брат.

Хижину сколотили на скорую руку и даже внутренней отделкой не озаботились. Под потолком светилась трескучая лампочка на проводе. У стены справа имелся деревянный стеллаж с полками, куда Бад складывал оружие посетителей. Автомат Криси он спрятал под старинный, побитый шашелем стол, что располагался слева от входа, под плакатом с грудастой пергидрольной теткой с губами, напоминающими геморрой. Обыскивать Игарта не стали, будто заранее знали, что он безоружен и неопасен.

Крис распахнул вторую дверь, и Игарт окунулся в сигаретный дым. Под потолком вращал лопастями огромный вентилятор, похожий на вертолетный винт.

Пять столов, сколоченных на скорую руку из необрезных досок, были застелены брезентом, возле каждого – по шесть стульев. Посетителей Игарт насчитал пятнадцать, исключая Крису: шестеро за одним столом, пятеро за другим, трое у кирпичной барной стойки и угрюмый, совершенно седой одиночка. Бармен с обвислыми щеками и сизым носом постигал дзен, протирая бокал и медитируя на вентилятор.

Сурово так, по-мужски. Снова потянуло мясом, и желудок свело судорогой. Пока Крис шумно здоровался с завсегдатаями «Гавани», Игарт сел за свободный стол в углу бара. Пожав протянутые руки, проводник устремился к стойке, заговорил с барменом, кивнул на Игарта. Тот сделал вид, что ему все равно, и принялся изучать физиономии посетителей, надеясь увидеть среди них кого-нибудь знакомого. Вот бородатый кавказец, вот – бритый наголо «бычок», длинноволосый блондин... Чужие люди. Лица у одних вполне человеческие, у других каменные, что ли. И глаза странные, словно у кукол.

– Чего ты такой испуганный? – проговорил Крис. Поставил напротив Игарта запотевший бокал с пивом, пригубил из своего. – Мясо скоро пожарят.

– Мне нечем расплатиться, – Игарт скрестил руки на груди. – Это первое, что меня волнует. Второе – как мне отсюда выбраться? Где мой дом?

Крис зажмурился от удовольствия и пожал плечами:

– Спроси что попроще. Мой дом – Зона. Денег не надо. Я свою миссию выполнил и сейчас уйду, а ты дальше выкручивайся сам. Отдашь ПДА на подзарядку, там все необходимые сведения. Потом обратишься к Толянычу. Видишь седого одиночку? Это он. У него всегда найдется работа. Подхалтуришь, с людьми поговоришь, а дальше сам определишься, куда и как.

Колыхнулась клеенчатая шторка, отделяющая зал от кухни, и появилась беременная молодая женщина с подносом, на котором истекал запахом шашлык и паровали тарелки с посыпанной зеленью картошкой.

– Привет, Сара, – улыбнулся Крис, встал и помог официантке поставить тарелки на стол.

Женщина потрянула черной гривой и потрепала его по волосам:

– Здравствуй, добро с кулаками!

«И как ей не страшно находиться в таком месте?» – подумал Игарт, глядя на круглый колыхающийся живот, внутри которого двигался ребенок.

– Жду не дождусь, когда малыша на руках подержу, – улыбнулся Крис, и в уголках его огромных печальных глаз прорезались морщинки.

– Поддержишь-поддержишь, – Сара отвернулась и побрела в кухню, подметая пол пышной клетчатой юбкой.

Распахнулась входная дверь, и, звонко смеясь, вбежали черноволосые девочки шести и пяти лет, в лаптях и неумело сшитых цветастых платьях.

– Мама! – завизжала младшая. – Мама, скажи ей, она у меня куклу забрала!

– Жадина, жадина-говядина! – крикнула старшая, едва сдерживая слезы. – Ябеда-корябеда!

Топнула ножкой и убежала в кухню. Младшая спряталась за маминной юбкой и, торжествуя, показала язык. Сара потрепала ее по голове и, говоря, что ябедничать нехорошо, увела.

Кровь запульсировала в висках. Игарт поднялся, вперился в спину удаляющейся женщины. Аномалии, мутанты – все это почему-то вписывалось в картину мира, но дети... Он поймал себя на мысли, что сам себе удивляется: подумаешь, девчонки! Дети – это естественно. Люди размножаются даже в нечеловеческих условиях, природа все предусмотрела, чтобы вид не вымер. Но все равно осталось чувство неправильности. Заставив себя успокоиться, он сел на место и принялся за еду.

Вскоре он забылся: голод взял свое, к тому же шашлык был не просто вкусным – божественным. Ненадолго все проблемы перестали существовать. Наевшись, Игарт допил пиво и покосился на седого Толяныча, сидящего к нему спиной, перевел взгляд на Крису, довольного и благостного. Проводник поднялся, громыхнув стулом, и напомнил:

– ПДА на зарядку, потом – к Толянычу. Удачи тебе, бродяга!

Махнув рукой, он направился к выходу. Игарт проводил его взглядом, и на него накатило отчаянье. Не бывает таких длинных снов, значит, это – реальность. Какая-то кошмарная, вывернутая наизнанку реальность. Люди с глазами-стекляшками, внезапный благодетель верхом на рояле, упыри со щупальцами, хищные свиньи. Все это ощутимо не пахнет – благоухает бредом. Но сознание сохранено и восстает против каждого нелогичного события.

Утешала лишь слабая надежда, что сумасшедшие безоговорочно верят в свой бред, значит, голова в порядке, и когда-нибудь все станет на свои места, надо просто перетерпеть, гвоздями из подсумка прибить уезжающую крышу...

Хлопнула дверь, отрезая Игарта от Крису, которому он более или менее доверял. Он остался один против враждебной реальности и с недоверием косился на

седой затылок Толяныча, не понимая, как пограмотнее начать беседу и вывести все, что нужно. А что нужно?

Первое – узнать, что это за место. Вдруг Крис слегка сумасшедший, и его слова нельзя брать в расчет? Уж очень он положительный. Второе – как отсюда выбраться, чтобы лечь в клинику на реабилитацию. В принципе, все. Остальное – дело медиков.

С недопитым бокалом пива Игарт направился к Толянычу, смолящему самокрутку. Покашлял, привлекая к себе внимание. Тот повернул голову и уставился единственным глазом. Второй был белесый, как у несвежего трупа.

– Можно присесть? – Игарт занял стул напротив сталкера, не дожидаясь приглашения. – Мне Крис посоветовал к вам обратиться.

Толяныч сунул самокрутку в зубы и долго мучился с отсыревшими спичками. Ругнувшись, поджег самокрутку от стоящей на столе керосинки, выпустил облако дыма.

– Чего надо? Хочешь знать, что это за место? Как попасть домой?

Игарт как раз глотнул пиво и поперхнулся, закашлялся. Вот это поворот! Что же получается, все приходят сюда, хлопают ресницами, ничего не понимая, и задают один и тот же вопрос?

– Знал бы ты, до чего вы мне, попаданцы, дороги, – пожаловался Толяныч, потарабанил пальцами по отполированным доскам соседнего стула и заладил монотонным голосом: – Когда-то Зона была открытой, люди приходили извне, уходили, зарабатывали на артефактах деньги. За периметром были огромные города. А потом что-то случилось, и она закрылась от Большого Мира. Одни говорят, это последствия неудачного эксперимента, вторые – что виной всему военные, разглядевшие в Зоне угрозу. Но факт остается фактом: вы попадаете сюда, а обратно выбраться не можете. Так что, парень, не ты первый.

– И у всех память отшиблена? – продолжил допрос Игарт. В душе одна за другой с тихим всхлипом лопались струны надежды.

– Да. Есть слухи, что черные сталкеры контролируют выход в Большой мир, но правда это или нет, сказать трудно. Они охраняют Комнату желаний. Еще говорят, что там и есть единственная связь с Большим миром, но чтобы туда попасть, надо душу черным продать. Крис, вон, проник в Комнату еще при Хранителях и что-то такое загадал, что теперь бродит по Зоне неприкаянным духом.

– А если штурмом взять?

– Э-э-э, парень, не один ты такой умный. Черные отлично охраняют свои владения. Ты просто туда не дойдешь. Подохнешь в мертвом лесу, где терновник, как проволока, и твари, каких нигде больше нет, да еще все загажено ядерными отходами. Но даже если повезет, подходы к Наукограду охраняют самоходные бронированные машины, которым мина, что колоссу – пуля. Говорят, это роботы с инфракрасными датчиками, нашпигованные пулеметами по самое не хочу. Так что, парень, не суйся туда. Еще говаривают, что они ловят сталкеров и проводят на них эксперименты.

Игарт вдохнул-выдохнул. Сжал виски и потряс головой. Толяныч похлопал его по плечу:

– Ты молодец, крепкий парень. Каждый пятый попаданец с ума сходит. Убивать их – бесчеловечно, кормить... самим бы прокормиться. Сам понимаешь, я не могу всем предоставить кров, оружие и пропитание, потому придется поработать. Ты как?

– Мне пофиг, – Игарт бездумно уставился на вислощекого бармена; в голове было пусто и гулко, как в заброшенном, засиженном голубями ангаре. – А, хрен с тобой, – махнул рукой он. – Все равно заняться нечем. Что делать?

– Такой подход мне нравится больше, – Толяныч улыбнулся, блеснул серебристым клыком и положил на стол ПМ. – У нас не просто так место спокойное. Мы постоянно зачищаем территорию от приبلудных мутантов. Упыри и баюны сюда не хаживают, зато слепых псов валом. И псевдосвиньи с горбунами иногда забредают...

– Надо собак пострелять? – спросил Игарт с тоской в голосе.

– Надо. Нашим некогда. Заплачу по сотне за каждое правое песье ухо. И пистолет можешь себе оставить. Дал бы оружие посерьезней, да сам в нем нуждаюсь. Придется тебе самому его или добывать, или покупать. Не волнуйся, все так делают. Выйдешь из бара, повернешь направо и не сворачивай. Выберешься к березовой роще, там псов и ищи. Совсем задолбали, нападают стаей и опытных сталкеров валят.

– Нож мне полагается? Хотя бы кухонный тесак. А то патроны имеют свойство заканчиваться... Кстати, о патронах... Отсыплешь?

– А то! – Толяныч сунул руку в рюкзак, вынул брезентовый мешочек, звякнул им и протянул Игарту. – Сорок выстрелов. Придется экономить. А нож... Сара!

Женщина высунула голову из-за занавески.

– Дай нож.

– С чего бы это тебе? – она вылезла наполовину и уперла руки в бока. – Так раздашь все ножики, сама останешься боса и гола!

Возмутившись, она исчезла и появилась с обычным кухонным ножом с белой ручкой, припечатала его к столу, погрозила Толянычу:

– Учти, в последний раз добро разбазариваю. И то лишь потому, что парнишка симпатичный, – она подмигнула Игарту и удалилась, переваливаясь, как утка.

Нож был старый, сточенное наполовину лезвие гуляло в пластмассовой рукояти, но это лучше, чем ничего. Рукоять нетрудно и другую сделать.

– Можно приступать? – поинтересовался Игарт, ему сейчас от безнадеги безумно хотелось кого-нибудь придушить собственными руками. На худой конец – прирезать. Разум отказывался воспринимать происходящее. Он поднялся и зашагал к двери, но Толяныч окликнул его:

– Стой! ПДА зарядить надо, без него пропадешь.

Игарт вынул прибор из подсумка, отдал Толянычу. Тот кивнул и отнес его в кухню, проговорил оттуда:

– Час-другой придется подождать.

Пожав плечами, Игарт вышел из бара, где невыносимо воняло куревом, выдернул топор из пня для колки дров, уселся. Вроде бы Толяныч складно излагал, в это даже можно поверить, если бы не одно «но». Допустим, сталкеры каким-то образом сюда попадают извне, то есть из правильного мира, и не могут вернуться назад. Перед походом они, естественно, вооружаются и берут все необходимое. И куда оно все девается? Допустим, Зона, которая то ли разумна, то ни непонятно что, стирает память. Но то, что она отнимает оружие, не лезет ни в какие ворота. Или стоило получше осмотреть развалины? Может, оружие осталось под завалами? Или его мародеры забрали? Игарт утешился мыслью, что так оно и есть.

Рассвело. Туман немного рассеялся, и проступил силуэт соседней хижины, тоже деревянной. Напротив нее гнил грузовик, брезент кузова болтался неопрятными клочьями. Донесся громкий, возмущенный голос, и из тумана выступил Крис. Он вел растерянного седовласого амбала с родимым пятном на скуле. Значит, работа у него такая – попаданцев по лесу собирать. Значит ли это, что все они появляются в одном месте?

– Привет, несчастливца, – поздоровался Игарт, осмотрел новенького и сглотнул, холодея. Оружия при нем тоже не было.

– Что тут творится? – затараторил здоровяк, нервно поводя плечами. – Что, на фиг, за фоллаут вокруг?

Криво усмехнувшись, Игарт ответил:

– Тебе все расскажут, дружище. Но, по-моему, лучше не знать.

У порога Крис остановился и поманил новенького, но тот вспылал симпатией к Игарту, уселся рядом на корточки, сплюнул в сторону проводника.

– Шизик долбаный. Чё, ответить в западло? Му да му. Не нравится мне здесь. И уродов ты ж видел? – он хохотнул и нервно завертел головой. – Я ж просто дрыхну, ага?

– И я, значит, сплю. Мы друг другу снямся.

Новенький радостно закивал, протянул граблю:

– Меня Костян зовут. Константин то есть, – он снова зарыготал, дернул плечами. – На фиг тебе мое имя? Ты ваще мне снишься.

– Да, меня зовут Белая Горячка, – грустно пошутил Игарт, посмотрел на Крису, терпеливо застывшего на пороге. – Ты иди в бар, это не опасно. Я сам только сегодня сюда попал и ничем помочь не могу.

Костян сощурился и проговорил:

– То-то я смотрю, реальный ты пацан, не то что эти, – он кивнул на Крису и крикнул ему: – Иду, иду, чё тарацишься?

Встал, хрустнув коленями, и поплелся ко входу, где его уже дожидался охранник Бад. Если Костяну дадут такое же задание, придется его терпеть, а этого ну совсем не хотелось. Так что лучше поторопиться и покончить с псами, вернуться за оплатой и решить, что делать дальше.

Подождав, пока дверь за Костяном захлопнется, Игарт собрался уже идти направо – туда, откуда минутой ранее появился Крис, как вдруг взвыла сирена, застрекотал автомат, кто-то выматерился, и наступила тишина. Дождаться незваных гостей Игарт не стал, попятился за сваленные кучей доски и по пояс провалился в яму, застеленную сухим камышом.

Прежде чем накрыться камышом в яме и замереть, он увидел выбегающих из бара охранников и черные фигуры возле старой машины. Мороз продрал по спине. Это и есть черные сталкеры?

– Жители поселка, – прогремел усиленный мегафоном голос. – Настоятельно рекомендуем разоружиться и выйти из жилищ. Вы окружены.

- Чего вам надо? – проорал вроде Толяныч.

- Нам нужны все люди, которых вы сегодня нашли в лесу. Отдайте их нам, и мы уйдем с миром.

Игарт ничего не видел и пытался нарисовать картинку происходящего по интонациям говорящих. Почему-то он был уверен, что черные пришли именно за ним. Заматерился Костян:

- Вы офигели, куда вы меня тащите? Да вы чё, блин! Руки, руки убери, козлина! – Последовал хлесткий удар, после чего Костян заткнулся.

- Это все? – поинтересовался говоривший ранее уже без мегафона.

Игарт не выдержал, встал на четвереньки в яме, чуть отодвинул листья камыша и глянул в щель. Двое сталкеров в черных прорезиненных комбезах с капюшонами держали под прицелом стоящего на четвереньках Костяна. Чуть поодаль мялся с ноги на ногу бармен в обнимку с Сарой, девчонки молча вцепились в подол ее юбки. Рядом ждали своей участи посетители бара. К последним подошел черный сталкер с прибором типа ПДА, провел у них перед лицами, посмотрел результат и исчез из поля зрения.

- Еще раз повторяю: это все новенькие? – предводитель черных стоял спиной, и лица его видно не было, но откуда-то Игарт знал, что оно бесстрашно. – Говорите, а то я прострелю ей живот.

Сара вскрикнула. Бармен заслонил ее собой и раскинул руки в стороны, словно собрался взлететь.

- Был еще один. Толяныч дал ему задание, и он ушел, – затараторил он. – Детей, только детей пощадите! Нам-то что... а они умирают навсегда.

- Что за задание? Где его искать?

- Змей наловить, – прохрипел Толяныч откуда-то сбоку. – На болотах неподалеку.

«Надо же, не сдал старый паршивец, – подумал Игарт. – Видно любят здесь черных. Дискриминация по цветовому признаку...»

– Этот человек опасен, – сказал черный голосом робота. – Вы представить себе не можете, насколько он опасен и для вас, и для нас. Он пришел уничтожить этот мир со всеми его обитателями.

«Им нужен не я, – с сожалением подумал Игарт. – Тот, кто может уничтожать миры, должен помнить свое прошлое. Просто так совпало, что мы появились одновременно с ним».

Хоть иди и сдавайся черным! Может, хоть так удастся проникнуть в таинственную Комнату желаний? То ли интуиция, то ли здравый смысл возопил, что делать этого не надо ни в коем случае.

– Что ты помнишь? – спросил черный, поднимая Костяна за волосы. Тот заскулил побитым псом и заорал:

– Ни хрена не помню, блин! Думал, ты мне поможешь...

Черный ударил его под дых – Костян сложился пополам и рухнул на колени, покраснел, выпучил глаза. Черный резко повернул голову: узкое лицо, правильные черты, оттопыренные уши, черные, коротко стриженные волосы. На мгновение Игарту показалось, что черный смотрит ему в глаза, и он невольно вжался спиной в стену ямы. Но нет, враг отвернулся, выхватил нож и уставился на Костяна. Трое других черных повалили его. Донеслись вскрики. В узкую щель Игарт не видел, что происходит на земле.

Черный присел и проговорил:

– Я тебе не верю. Ты должен помнить. Признавайся. Мы все равно узнаем, когда отведем тебя в штаб.

– Ничего, – пробормотал невидимый Костян.

– Зря упорствуешь. Сейчас я вскрыю тебе коленную чашечку, потом другую. Затем разрежу живот и вытряхну кишки в муравейник. Ты не сможешь сдохнуть,

потому что я все время буду колоть тебе регенератор. На твоём месте я бы все рассказал. Итак...

- Я ничего не помню, - заскулил Костян. - Не надо, не надо!!!

Черный занес нож, резко опустил - Костян взвыл. Мороз продрал по спине, и Игарт отвернулся, сжал пистолет. Если они обнаружат убежище, благоразумнее пустить пулю себе в висок.

Костян все орал и орал; неразборчиво бормотал черный; рыдала Сара. Игарт старался отрешиться. Хотелось пострелять черных и самому полечь, но он понимал, что он ничем Костяну не поможет. Черных десятки, если не сотни, у них штурмовые винтовки. А еще снова появилось ощущение неправильности происходящего, и вскоре до Игарта дошло, в чем дело. Черные не разговаривали между собой, они будто читали мысли друг друга. Говорили они, лишь чтобы поддерживать связь с людьми. Промелькнула мысль, что они воспринимаются не как люди - как что-то чуждое, принявшее человеческое обличье.

Костян уже не орал - по-бабьи тонко стонал. Потом его стон утонул в топоте, и Игарт выглянул в щель: двое черных волокли «бычка» к выходу. Поигрывая ножом, черный направился за пределы видимости. Донесся удар и вздох.

- Говоришь, был еще один?

- Да, был, - Игарт узнал голос Толяныча. - Он тоже ничего не помнил.

- Уверен? - в голосе черного звякнул металл.

- Конечно, уверен. Метался тут, руки заламывал, катал истерики. Слезы в глазах дрожали! Ты можешь всех нас перебить, но это ничего не даст. Сам подумай: если тот, кого вы ищете, все помнит, разве он пойдет туда, где его тотчас загребут?

- Если ты врешь мне, - проговорил черный, - я сделаю так, что ты будешь умолять меня о смерти. Понял?

- Ты очень доходчиво и наглядно объяснил.

Все черные, которые попадали в поле зрения, будто по команде развернулись и направились к выходу, один за другим растворяясь в тумане. Минута – и никого нет, только толпятся обитатели поселка, не решаясь расходиться по жилищам.

– Совсем охренели, – проворчал бармен. – Надо выносить вопрос на обсуждение.

Потянуло сигаретным дымом, и Толяныч хрипло ответил:

– Видимо, серьезно приперло. Пришлый опасен для них, однозначно. Надо будет помочь ему, если вычислим, где он. Пусть приведет в порядок этот закисающий мирок. Сделает, как было.

– Та ну на фиг! – возразил кто-то. – Хочешь, чтобы твои кишки на кулак наматывали? Нам и так нормально живется.

– Это пока нас много и мы можем дать им отпор. Но их с каждым днем все больше, рано или поздно мы все такими станем. Мне не хочется.

– Правильно! – поддержали его звонким голосом. – Я бы вообще предложил вынести вопрос на обсуждение. Чего это черные невинных людей портят? Нюх потеряли?

– Да, да, да! – закричали издали.

Тогда Толяныч покосился на убежище Игарта и поманил его:

– Вылезай давай. Знаю, что ты там. Не бойся, сталкеры своих не сдают.

Так, значит. Игарт убрал камыш и высунул голову. В кармане он на всякий случай сжимал ПМ. Два сталкера, не считая Толяныча, остальные разошлись.

– Ни за что погубили бы, – проговорил Толяныч. – Я ж вижу, что ты не тот, кого они ловят. Но советую тебе быть осторожным, а то уволочут к себе, промоют мозги, и станешь овощем.

– Спасибо, – поблагодарил Игарт.

Сталкер скандинавской наружности подошел к нему и похлопал по спине.

– Пойдем, я тебе старенький броник одолжу и еще кое-что, а то выглядишь, как нуб, и палишься.

Маузер

Шуляк упорно игнорировал вызов Маузера.

– Кому попало мы не отвечаем, да? – гоняя сигарету из одного уголка рта в другой, проворчал детектив. Пепельница, кристально чистая до прихода Ангелины Артюховой, теперь была наполнена смятыми и скрученными, похожими на вынутые из тела пули, окурками.

Наслушавшись длинных гудков, Маузер решил попытать удачи в главном офисе «Сигмы». До конца рабочего дня оставалось больше двух часов, если не тянуть резину, то вполне можно было застать сотрудников Артюхова на месте. Маузер вложил пистолет в кобуру, набросил пиджак и вышел из задымленного кабинета в приемную.

Ольга сидела на краю своего стола, скрестив на груди руки. Маузер понял, что жена ждет, когда он покажется ей на глаза.

– Слушай, Игорь... – Ольга опустила взгляд. – Что-то колбасит меня. Ты поосторожней, ладно?

– Конечно, – Маузер наклонился и быстро поцеловал жену в губы. – Все, умотал!

– Давай, – Ольга улыбнулась. – А я, пожалуй, пойду домой. Приготовлю на ужин штрудель с мясом, давно собиралась.

К вечеру стало еще жарче. Паркая, похожая на белесый дым мгла застлала небеса. Солнце выглядело необыкновенно большим, и по цвету оно походило на

белое золото. Редкие взмыленные прохожие короткими перебежками преодолевали отрезки между дверями выстроившихся вдоль дороги зданий, торопясь оказаться в охлажденных кондиционерами помещениях.

Главный офис «Сигмы» находился в Москва-Сити, на сорок восьмом этаже башни «Эволюция». До Пресненской набережной Маузер добрался на удивление быстро: словно сама фортуна переключала светофоры на «зеленый» и расчищала заторы. Вот только перед башней «Эволюция» собралась тьма-тьмущая народу: там бегал окровавленный Брюс Уиллис с автоматом Калашникова, от него, как от прокаженного, шарахались небритые люди в фуфайках и шапках-ушанках, а также их дрессированные медведи. Над всем этим хаосом покачивался на тросах муляж вертолета Ми-38. Маузер догадался, что он угодил на съемки седьмой части «Крепкого орешка». Блатные тачки, трейлеры киношников, краны и осветительные приборы заблокировали проезд. Детектив, ругаясь на чем свет стоит, дал задний ход.

Он припарковался на стоянке под Центральным Ядром. Из закрытого стеклянным куполом сердца Москва-Сити перебрался в башню «Эволюция» по пешеходному мосту. Из-за мерцания миллионов голограмм у детектива разболелась голова, к тому же в этом анклав мира будущего почти везде запрещалось курить. Маузер нервно барабанил пальцами по карману, оттопыренному новой пачкой «Парламента», но видит око, да зуб неймет: начинать толкаться со службой безопасности Москва-Сити по такому дурацкому поводу не хотелось.

На этаже «Сигмы» Маузера приняли без тени радушия.

Толстопуз-охранник нехотя оторвался от игры на телефоне и спросил, почесывая подмышку:

– Назначено?

– Конечно, нет, – холодно ответил Маузер. – Передай тому, кто у вас сейчас за главного: прибыл человек, который по поручению Ангилины Артюховой расследует исчезновение ее мужа.

Охранник смерил Маузера недоверчивым взглядом, потянулся к старомодному телефонному аппарату. Когда на другом конце сняли трубку, попросил

секретаршу доложить о прибытии детектива. Но не Вячеславу Александровичу Шуляку, как ожидал Маузер, а какому-то Андрею Николаевичу.

Получив ответ, охранник убрал из прохода пузо.

- Дальше по коридору, справа - четырнадцатый кабинет.

Маузер поблагодарил кивком.

Он пошел нарочито не спеша, оглядываясь по сторонам. Под ногами поскрипывал декорированный под дерево линолеум, кое-где были растянuty ворсистые ковровые дорожки цвета мадженты. Стены были забраны панелями из мореного дуба, а под потолком мягко теплились похожие на хрустальные друзья светильники. Там и здесь тускло отблескивали объективы камер. Двери в кабинеты были закрыты, и у Маузера сложилось впечатление, что в офисе «Сигмы» к этому часу почти никого не осталось. Впереди появился просвет открытой двери, и Маузер поспешил сунуть туда нос.

За порогом оказался скромный кабинет: два стола, два компа, два менеджера среднего звена. Один дремал за столом, пристроив голову на сложенные руки, а стоящий рядом принтер с умиротворяющим жужжанием подавал в переполненный лоток страницу за страницей. Второй, засунув в ноздри по авторучке, пытался сфотографировать себя телефоном - удачный ракурс заботил молодого человека больше, чем посторонний на пороге.

Маузер побрел дальше.

Зал отдыха - вытянутый овал, засаженный в шахматном порядке низкорослыми декоративными деревцами с кронами строгих геометрических форм. Некоторые растения пестрели цветами и благоухали, на ветвях других созревали плоды. Между деревцами змеились ковровые дорожки, то тут, то здесь виднелись пустые скамейки. На дальней стене светился широченный, как окно, LCD-дисплей, под ним на шарообразном пуфике с джойстиком в руках сидел еще один сотрудник «Сигмы». На экране какие-то чудища мутузили друг друга, издавая нечеловеческие вопли и поливая виртуальное пространство ливнями крови. Сотрудник лишь на миг оторвался от забавы, чтобы бросить на Маузера взгляд усталых, красных глаз.

А вот и четырнадцатый кабинет.

Пахнуло сердечными каплями. За столом сидела анорексичная секретарша в гугл-глассах. Ее пальцы, похожие на костистые остроконечные указки, теребили пачку с влажными салфетками. На пористых щеках, щедро обработанных румянами, виднелись дорожки недавно пролитых слез.

– Здравствуйте вам... – со всей доступной ему деликатностью поздоровался Маузер.

– И вам... – грустно пискнула секретарша. – Проходите, пожалуйста. Андрей Николаевич вас ждет.

– Угу. – Маузер толкнул следующую дверь.

Из-за стола, заваленного бумагами, выбрался пухлый, будто надутый человек с круглым брюшком, шагнул навстречу детективу, протягивая руку. Маузер повернулся к нему татуированной стороной лица, и Андрей Николаевич впал в ожидаемый ступор. Голубая безрукавка, потемневшая под мышками, съехавший набок галстук, хорошо заметное пятно кетчупа на черных брюках, запылившиеся туфли, едва уловимый запах мочи... Сразу было видно, что человек пахал весь день, как ломовая лошадь, ел на ходу и даже в сортире действовал впопыхах – одной рукой, а второй при этом сжимал телефон или планшет. Портрет же Андрея Николаевича был вполне зауряден для управленца, брошенного под танк: испуганные глаза неопределенного цвета, глубокие, покрытые испариной залысины, обвислые щеки, царапины от бритвы на шее и подбородке.

– Ангелина Валерьевна распорядилась оказать вам всевозможное содействие, – проговорил Андрей Николаевич напряженным голосом, – но если бы вы знали, сколько свалилось на наши головы в эти дни! – он всплеснул руками в каком-то бабском жесте. – Котов, заместитель директора по хозяйственной части, к вашим услугам!

Маузер хмыкнул. Судя по тому, что он увидел в коридорах «Сигмы», сотрудники Артюхова сильно не напрягались. Наверняка этот завхоз Котов – гиперответственный исполнитель с низким авторитетом в коллективе, ему легче самому тянуть ляжку, чем отдавать приказы. Пожалуй, худосочная секретарша – единственный человек в офисе, которого он способен построить. Да и то – не с первой попытки и не совсем корректно, если судить по тому, что она недавно

плакала.

- Если честно, я ожидал встретить здесь господина Шуляка, - признался Маузер, опускаясь в кресло для посетителей. - Я закурю, вы ведь не против?

- Что вы, что вы... - Котов поторопился открыть окно. - Я сам - ни-ни, здоровьице, знаете ли...

Маузер щелкнул зажигалкой, а хозяин кабинета уселся, наконец, напротив.

- Вы понимаете... - замялся «завхоз». - А как вас по имени-отчеству?

- Игорь Петрович, - подсказал Маузер.

- Так вот, Игорь Петрович, господин Шуляк... как бы это поделикатнее выразиться... - Котов пошевелил пальцами так, что его волосатые кисти стали похожи на пухлых пауков, плетущих паутину, - слинял. Да, взял два дня назад отпуск и слинял в Ниццу.

- Круто! - хохотнул Маузер. - Он что, специально решил подставиться под подозрения?

- Нет, вы не подумайте! - Котов заерзал в кресле. - Шуляк - милейший человек, он и мухи не обидит. Он просто не в состоянии управлять совместным бизнесом в одиночку! Не умеет, вы понимаете?

- Почему же - в одиночку? - удивился Маузер. - А как же вы?

- Вот он и сбросил всю ответственность на меня, - пожаловался Котов. - А я даже возразить не смог! Ему не нужно мое дозволение, чтобы решить вопрос в свою пользу! Знаете, что произошло сегодня? «Сигма» через месяц открывает первый центр квантовых вычислений в Одинцово, а подрядчик поставил на подстанции китайские генераторы вместо японских, а разницу в цене зажил! Типа, мы не отличим иероглифы. Вот что делать с такими людьми? Какую найти управу? Где справедливость? - Котов явно был в отчаянии и разошелся не на шутку.

– Обратитесь в полицию, – посоветовал Маузер, стряхивая пепел на пол.

– Полиция? – На лице Котова появилось жалобное выражение. – Игнат Артюхов бы решил проблему одним звонком. Да если бы он не исчез, подрядчик вообще не посмел бы подсовывать нам фуфло!

– Если бы да кабы... – пробурчал Маузер. – А как же Шуляк? Его можно кинуть?

Котов задумался, уголки его губ нервно вздрагивали.

– Шуляку все равно, какие у нас генераторы: работают – и ладно, – признался он в конце концов. – Шуляку, если честно, вообще побоку «Сигма». Таким, как он, наплевать на науку! – договорил Котов упавшим голосом.

– Хорошо, Андрей Николаевич, я понял вас. Кстати, расскажите о том, что вы делаете. Насколько я понял, вы финансируете независимые научные группы?

«Завхоз» затравленно поглядел на Маузера, затем несколько раз перебросил из ладони в ладонь стиплер, словно горячую картофелину, сваренную в мундире, а потом проговорил важно, с отчетливой гордостью:

– Игнат Кириллович создал «Сигму» как эффективную альтернативу Сколково. Только Сколково – это консолидированный наукоград, а «Сигма» – она повсюду. Наши представительства есть почти во всех странах СНГ. Мы действительно финансируем исследования в самых разнообразных направлениях науки. Но наши приоритетные направления – это информационные технологии и медицина. Центр квантовых вычислений я уже упоминал, есть еще фирма «Парадиз», которая занимается разработкой экспериментального софта, есть медицинский центр «Мыс доброй надежды», где используются только передовые методики в лечении самых разных онкологий, склерозов, спинальных заболеваний.

Маузер вспомнил, что в день исчезновения Артюхов трапезничал с двумя яйцеголовыми. Скорее всего, эта встреча была связана с деятельностью «Сигмы». Выяснить бы, зачем они состыковались...

– Вы сотрудничаете с Академией наук?

– Безусловно, Игорь Петрович, безусловно! – горячо согласился Котов. – И с Академией наук, и с молодыми гениями, которые пока не имеют степеней, но готовы дать фору любому профессору с семью пядями во лбу. Вы слышали, наверное, о Льве Фрайбе? Нет? Этот инвалид-колясочник создал язык программирования на основе нелинейных логических алгоритмов! Все наши квантовые компьютеры работают на софте Фрайба!

Маузер выпустил дым через нос и кивнул. Он не так хорошо разобрался в компах, как, например, Ольга. Маузер знал, что машина с 16-ядерным процессором – это круто, но абсолютно бесполезна для человека, который не играет и не занимается графикой или вычислением точного значения числа «пи». Гугл-очки – еще круче, ну а линзы, которые приобрела его супруга, – вообще нечто на грани фантастики. О квантовых компьютерах Маузер тоже читал, но он находил эти машины порождением чьего-то извращенного ума. Компьютеры ведь славны своей предсказуемостью. И будь это новейший девятый айфон или старый конвейерный робот «АвтоВАЗа», он будет выполнять только те задачи, которые задал ему пользователь. Но что может учудить электронный мозг, в основе работы которого неопределенность, царящая в микромире? И этот загнанный «завхоз» сейчас даже забыл, что его, словно мальчишку, кинул подрядчик с генераторами, столь сильна была его гордость, что на «Сигму» работает этот колясочник, этот московский Стивен Хокинг, сумевший «договориться» с элементарными частицами.

– Есть ряд моментов, в которые я врубиться не могу, – признался Маузер.

Котов насторожился, сдулся, съежился, снова превратился из распираемого гордостью тетерева во взъерошенного воробья.

– С чего бы Артюхов – член совета директоров банковского объединения «Москва-Групп», а в девяностых – бандит, контрабандист и рэкетиер – вдруг увлекся наукой? – спросил Маузер. – И непросто увлекся, а вложил в это «непацанское» дело столько бабла?

Увидев, что Котов сейчас потеряет сознание или, чего хуже, «завхоза» разобьет инсульт, Маузер сжалился.

– Поверьте, любезный Андрей Николаевич, мне абсолютно плевать, кем был в прошлом ваш начальник и кем он является сейчас, – неспешно проговорил из-за

завесы табачного дыма детектив. – Ангелина Артюхова наняла меня, чтобы я разыскал ее мужа, и я это сделаю, безотносительно того, кто он: покровитель убогих и обиженных, бандит с большой дороги или насильник и педофил. – И добавил веско: – Я – не мент.

Котов испуганно закивал.

– Поэтому, – продолжил Маузер, – меня интересуют все стороны деятельности господина Артюхова, поскольку эта информация поможет выйти на след.

– Мне ничего не известно, – сильно кривя рот, проговорил Котов. – «Сигма» никак не связана с криминалом, клянусь честью. Дайте сигарету!

– Пожалуйста, – Маузер понял, что Котов врет. Он протянул «завхозу» пачку, щелкнул зажигалкой.

– Игнат Кириллович долго и успешно занимался банковским делом, – Котов держал сигарету, как дротик для дартса, а затягивался мелко и торопливо. – А потом он заболел. У него был рак! – Котов дико взглянул на детектива. – Опухоль между позвонками размером с ноготь. У Игната Кирилловича почти не было шансов! Но он согласился, чтоб его лечили по какой-то очень сложной опытной методике. И знаете что? – Слова торопливо слетали с губ вместе с дымом. – Игнат Кириллович выжил! И это событие стало поворотной точкой в его жизни! Слишком уж ярко и страшно на него снизошло понимание, что наука – есть будущее, в буквальном смысле. Будущее каждого человека.

«Да-да, – подумал Маузер. – Имеется олигарх, напуганный до мокрых штанишек болезнью. У него появляется идея фикс: не допустить рецидив, обезопасить себя навсегда. Поэтому он не жалеет денег на исследования в области медицины, ну а компьютеры, наверное, подтянулись сами собой – надо же чем-то закрывать дыры в бюджете, за счет одной медицины расходы не покрыть...»

И в следующий миг Маузера осенило:

– С Фрайбом, полагаю, Артюхов познакомился во время лечения?

Котов поперхнулся дымом.

– А как вы... впрочем – да. Лёва лежал в той же больнице. Они действительно общались.

Маузер хмыкнул.

Он держал в руках множество нитей, но все они уходили в черноту. Горизонт событий отодвигался, открывая причины и следствия, но все еще окружал исчезновение Артюхова непреодолимым барьером.

– Андрей Николаевич, – Маузер наклонился вперед, заставив собеседника невольно отпрянуть, – а не могли бы вы позвонить сейчас господину Шуляку? И сделать так, чтоб я услышал разговор?

– А что мне ему сказать? – Котов покорно вынул из поясного чехла телефон – потертый «Nokia» с монохромным экраном.

– Расскажите, как вас кинул подрядчик, – предложил Маузер, – или что ваша секретарша сегодня плакала.

Котов вздохнул.

– Он ведь в роуминге... В копеечку влетит обоим... – но, напорвшись на суровый взгляд Маузера, принялся искать номер в телефонной книге.

Послышались длинные гудки. Котов выудил из кармана носовой платок и утер испарину на затылке.

– Салют! – прозвучал в трубке доброжелательный голос; фоном ему был размеренный многоголосый гомон, отчетливо слышался детский визг и жалобные крики чаек.

«На морье расслабляется», – подумал Маузер.

– Добы вечер, В-в-слав Сандрович, – промямлил Котов.

– Что ты хотел, Андрюша? – снисходительно отозвался Шуляк. – Говори скорее, я тут не один. И вообще – я в отпуске!

«Завхоз» растерянно взглянул на Маузера. Затем неожиданно проговорил, чуть запинаясь, но все же решительно:

– У нас в офисе – детектив, нанятый Ангелиной Валерьевной. Он желал встретиться с вами.

– Перебьется, – легкомысленно парировал Шуляк.

– Но Ангелина Валерьевна просила оказывать содействие...

– Да мне Ангелина – не указ, – по-прежнему добродушно, но уже с различными угрожающими нотками проговорил Шуляк. – Шла бы она в жопу со своим гребаным детективом. Все ей нейдет...

Маузер жестом потребовал, чтобы Котов передал телефон. Мобилка после ладони «завхоза» была горячей и влажной.

– Что же вы так, Вячеслав Александрович, – пожурил Шуляка Маузер, – вашего партнера все ищут днем с огнем, а вы отсиживаетесь в забугорщине. Так можно чего плохого о вас подумать.

Шуляк скупно матюгнулся в сторону. А потом произнес оскорбленным тоном:

– Сударь, я не имею дел с частниками. Я уже давал показания полиции, и за границу уехал с разрешения заместителя министра. Честь имею!

Маузер понятия не имел, о каком заместителе толкует Шуляк; возможно, рядовой следователь бы поостерегся продолжать разговор, но частный детектив был сам себе и замминистра, а если нужно – то и президент, и папа римский.

– Вас тут подрядчик кинул, как лоха махрового, – не без злорадства сообщил Маузер. – Пока вы француженками любуетесь, он ваши бабки считает.

Шуляк снова выматерился: на сей раз громко и замысловато.

– Я так и предполагал! – высказался он, оборвав тираду. – У Артемона – свои фишки! Он себе на уме, исчез – с него и взятки гладки! Потом появится и повесит на меня все бока!

– Что же вы умотали из страны и не хотите содействовать? – вкрадчиво поинтересовался Маузер.

– Сударь, я готов содействовать черту лысому, если он сможет достать Артемона из ада.

– Из ада? – по следовательской привычке прицепился к фразе Маузер. – Вы полагаете, Артюхова убили?

– Я не Нострадамус, сударь, давать ответы на эдакие вопросы.

– Вы сказали, «себе на уме», «свои фишки»... – продолжал Маузер. В кармане у него завибрировал телефон. Детектив вынул мобильник, мельком взглянул на экран и нажал на отбой. Это звонила Ольга: наверняка хотела узнать, какое вино покупать к штруделю. – Вот поясните, сударь, что вы имели в виду? Быть может, вы знаете больше о планах и перемещениях Артюхова, чем его супруга? Поделитесь со мной, будьте так любезны! Нам бы пропажу найти, а ваши секреты мы Ангелине выдавать не станем.

Шуляк размышлял. Но трубку не клал, и Маузер расценил это как свою маленькую победу.

– У меня действительно есть предположение, – проскрипел через полминуты Шуляк; в его голосе давно не осталось той показной благожелательности, которую он изливал в начале разговора на Котова. – Я об этом не подумал сразу, да и скорее всего оно пустое, но больше мне сказать нечего.

– Я вас слушаю, – почти ласково произнес Маузер; опять позвонила Ольга, ему пришлось отклонить и этот вызов.

– Артемон боялся, что у него заканчивается ремиссия, и что рак вот-вот вернется, – угрюмо сообщил Шуляк. – Он постоянно ездил к докторишкам, сдавал анализы, глотал какие-то таблетки. Все это делал тайком от Ангелины.

Понимаете... как вас там... сударь, в общем. Я тоже болел раком, и у меня тоже – период ремиссии. Это все – вонючий Чернобыль, мать его так, проехался бульдозером по нашему поколению. И вам не понять страх людей, однажды прошедших через этот кошмар. Мы готовы отдать все деньги мира, лишь бы это не повторилось вновь. Пospрашивайте докторов, к которым обращался Артемон. Я больше ничего не могу вам посоветовать. Удачного расследования!

Маузер отключил телефон Котова, бросил «трубу» через стол «завхозу», потому что снова звонила Ольга.

– Смольный! – отозвался детектив.

– Маузер, за мной «хвост»! – отрывисто проговорила Ольга.

– Так! – Маузер встал с кресла, подошел к открытому окну, уперся в подоконник локтями, словно был способен за небоскребами Москва-Сити разглядеть единственную человеческую фигурку. – Тебе угрожает опасность?

– Нет, – тотчас же ответила Ольга.

– Где ты?

– На Маршала Соколовского.

– Кто?

– Похож на офисного задрота, но взгляд цепкий. И ни разу не вытащил телефон, чтобы проверить сообщения. Так планктон себя не ведет.

– Когда спалила?

– Довольно давно. Перед тем, как зашла в «Пятерочку». Специально задержалась в магазине подольше. Никуда не делся, провожает. Я вернусь в офис?

– Нет.

- К тете Шуре? - так они называли место встреч на Воробьевых горах.

- Нет, давай ко мне - на «Выставочную». Я встречу тебя в Центральном Ядре. Поедем домой вместе.

- Договорились.

- Я буду звонить.

- Само собой.

- Закипело дерьмецо...

- Снимай пенку, пока не поздно.

Ольга отключила телефон. Маузер повернулся к Котову.

- Я вас задержу еще на часик, вы ведь не возражаете?

«Завхоз» обреченно поднял руки.

Глава 3

Игарт

Белобрысого сталкера звали Поль. Жил он возле самого частотокола, правее входа. Туман рассеялся, и Игарт увидел десять домов, не считая бара и гостиницы - длинного барака из досок, похожего на коровник. Располагались хижины в два ряда напротив друг друга, их разделяла дорога, посыпанная отсыревшими опилками. Очаг цивилизации был окружен забором из листов жести и ржавых труб. Над забором возвышался вагончик дозорного пункта с

прожектором на крыше.

В хижине было две комнаты – одна Поля, вторая его приятеля, – не считая столовой с русской печью. Игарт занял самодельный табурет у кухонного стола, застеленного газетой. Ручеек муравьев стекал со стола на пол, просачивался в трещины между половыми досками – насекомые тащили домой засохшие хлебные крошки.

Из своей комнаты Польш волоком вытащил пыльный холщовый мешок, в какие обычно насыпали зерно, и поставил посреди комнаты, развязал, вынул оттуда ветровку, даже скорее кирасу цвета хаки с кевларовыми пластинами и брезентовыми рукавами:

– Опачки! А я думал, что потерял ее.

Огладив пластины, он повесил ветровку на спинку стула, засунул руки в мешок, вынул оттуда бронежилет защитной расцветки с четырьмя карманами и проговорил:

– «Визит-М», мой первый бронежилет. Второй класс защиты. Предохраняет органы от пуль пистолета типа ТТ и пистолета-пулемета «узи». Самое главное его достоинство – он легкий, всего 4 кг. Только учти: с возвратом. Если кинешь меня, из-под земли достану и откручу тебе яйца.

Игарт примерил бронежилет, затянул его на поясе, чуть ослабил ремешки на плечах, поднял-опустил руки.

– Спасибо, Польш. Буду должен.

Сталкер махнул рукой:

– Да ладно! Тут трудно выживать, вот мы и помогаем друг другу чем можем. Вот тебе еще финка тюремная, у зека одного намутил.

Почерневший клинок сантиметров двадцати пяти, серебристое лезвие. Рукоять стальная, обернутая истертой кожей, удобная и приятная на ощупь. Ножны тоже кожаные, потертые. Если Польш разбрасывается такими вещами, что же тогда у

него за снаряга и оружие? На поясе – тесак с деревянной рукоятью, пара гранат. Поверх тяжелого бронежилета – разгрузка, чехол с навесными карманами под магазины и еще кучей отделений. Все они забиты под завязку и оттопыриваются.

Игарт прицепил финку к поясу, переложил патроны в правый карман бронежилета. Поль протянул ему магазин к ПМ.

– У тебя ведь «макар»? Магазин дарю, он мне без надобности. Ну вот и все. Как говорится, чем могу. Дальше сам выкручивайся. Поохотись на псов, потом еще на что-то подобное. Хорошо себя зарекомендуешь, будут серьезные задания давать и хорошо платить. Потом примкнешь к клану или, как Крис, построишь дом, и вокруг соберутся люди, заживете, как мы.

– Так это Криса деревня? – удивился Игарт, снаряжая дареный магазин.

– У нас анархия, но верховный судья – он. Как справишься, возвращайся. Если на гостиницу бабла не хватит, поживешь здесь. Вон, спальник расстелю возле печки.

Игарту настораживало его навязчивое желание понравиться. Никак решил, что перед ним – избранный, человек великих возможностей, которого даже черные боятся.

– Не хочу светиться. Последняя просьба: принеси ПДА, что в баре на зарядке, а то мало ли, меня увидят и захотят сдать.

Поль покосился с подозрением, кивнул на выход:

– Вместе идем. Ты в стороне подождешь.

Не так прост этот парень, боится, что его обворуют. И правильно делает.

Пока Поль выполнял его просьбу, Игарт прятался между кучей поленьев и стеной бара.

На пороге Бад чистил пистолет, беременная Сара, напевая под нос, развешивала белье на веревке, натянутой между столбами.

Вот же угораздило! Мало того, что полно монстров, так еще и черные, от которых надо прятаться. Может, они поймают своего избранного и успокоятся?

На пороге появился Поль, обменялся с Бадом парой дежурных фраз и зашагал к поленьям. Огляделся и только потом протянул Игарту включенный ПДА. В верхнем правом углу мигало: «Игарт. Досье». В левом – «Предметы», «Умения». В середине плавало окошко «Мир».

Это значило, что, отправляясь в Зону, он ввел сведения о мире? Или кто-то порезвился в его ПДА? Поль уже ушел, а незнакомых расспрашивать было стремно, потому Игарт решил подумать об этом позже. Любопытство превратилось в тупое раздражение: здравый смысл продолжал восставать против происходящего.

Подождав, пока Сара развесит белье и исчезнет, Игарт направился к выходу из поселка. Спрятался за домом Поля, притаился, но не заметил никого на дозорном пункте, проскользнул за ворота и вздохнул с облегчением.

Впереди колыхались высоченные сосны, скрипели, терлись стволами и качали мохнатыми ветками. Тоскливо, на одной ноте пищала птица. В небе крутил спираль ворон. Вроде бы обычный лес, но есть в нем что-то зловещее. Наверное, это осознание, что за любым поворотом может подстерегать смерть.

Он набрал полную ладонь болтов. Швырять или нет? Интересно, много ли в окрестностях аномалий? Вспомнились слова Криса, что все нужные сведения – в ПДА. Игарт включил экран. Выбрал раздел «Мир». Всплыло еще несколько окошек: «Окрестности», «Мутанты», «Группировки», «Аномалии», «Артефакты».

Выбираем «Окрестности»... Зря выбираем – непонятно, что это за место, и даже не разберешь, где север, а где юг – небо затянуто свинцовыми тучами. Надо посмотреть карту целиком. Экран маленький, придется увеличивать области кусками. Откуда начнем? Игарт клацнул по темному квадрату в верхнем углу: лакокрасочный завод. Территория, подконтрольная черным сталкерам. Следующий квадрат справа, зеленый, – железнодорожное депо. Нейтральная территория. За ним – голубой прямоугольник Македонска. Подконтролен

македонцам. А вот за Македонском – лес аномалий, топи и поселок Гавань. Ага, ориентир есть. Что у нас дальше? Ничейные горы, ущелья, редкие плато. Потом зеленым – леса – луга – леса. Точка города со странным названием Память. Затем красный квадрат. Значит, там владычествует группировка «Ветер». Вот и все области по периферии. В центре их всего четыре: коричневая – группировки «Зона», желтая – какая-то резервация, зеленая и черная. Белым по черному написано: «Наукоград. Комната желаний».

Увлечшись изучением географии, Игарт забыл, зачем открыл карту. Вспомнил. Увеличил область с Гаванью. Прочертил линию через лес к небольшой поляне. вспыхнули красные точки, обозначающие постоянные аномалии: топка, студень и трап. Неизвестно, сколько бродячих, которые появляются и исчезают, так что нужно быть начеку. Игарт швырнул вперед гайку. Как он и думал, ничего не случилось. Пошел дальше по тропе, поглядывая по сторонам. Остановился, поднял гайку, снова бросил.

Сверился с картой: скоро должна быть первая аномалия – студень. Теперь он двигался аккуратно: студень – аномалия химическая, ее гайками не обнаружишь, внимательным надо быть, под ноги смотреть. Иначе вступишь в нее и растворишься, даже костей не останется.

Студень издали напоминал клочок осевшего тумана, даже скорее – поднимающиеся испарения. Если будешь спешить, то запросто можешь не заметить его. Распластался он прямо посреди дороги, и Игарт предусмотрительно обошел аномалию. Когда он переставал фокусировать на ней взгляд, казалось, что внутри тумана мерцают зеленые огоньки, напоминающие болотные гнилушки.

Вдалеке залаял пес, взвыл. Ему ответил второй. Похоже, там целая стая. Придется попотеть, и если они скопом набросятся – лезть на дерево и стрелять оттуда. Игарт выхватил из кобуры пистолет, улыбнулся. То ли проснулся охотничий инстинкт, то ли разум обрадовался хоть какому-то занятию: не все ж предположения обсасывать.

И вдруг грохнул выстрел. Донесся визг раненого пса. Еще выстрел – визг оборвался. Вроде бы кто-то выругался. Игарт побежал на крик, выскочил на поляну и открыл огонь: слепые псы взяли сталкера в кольцо и примерялись, как лучше атаковать. У незнакомца был только ПМ, с которым особо не повоюешь.

Пришлось открывать огонь. Восемь выстрелов – три пса издохли, два завертелись, пытаясь укусить себя за хвост. Остальные повернули морды в сторону Игарта. Сталкер, отчаянно матерясь, снарядил магазин и открыл по ним огонь. Псы разделились. Огромный вожак, похожий на волка, черная дворняга и две полуовчарки ринулись к Игарту, остальные пять собак продолжили наседать на незнакомца.

Вставив второй магазин, Игарт пустил две пули в вожака: в грудь и шею, прицелился в овчарок, выстрелил – они заверещали раненные, а вот черный кобель налетел, ударил в грудь лапами. Дохнуло псиной, челюсти клацнули возле лица. Игарт нажал на спусковой крючок – осечка. Тогда он левой рукой вцепился в собачье горло, правой ударил рукоятью пистолета псу между зажмуренных глаз, затем – в висок. Зарывав, пес повалился на бок и начал беспомощно сучить лапами. Игарт трясущимися пальцами принялся снаряжать магазин.

Псы повалили второго сталкера и сцепились с ним в рычащий клубок. И вдруг сталкер встал в полный рост, неуловимым движением свернул шею полосатому бульмастифу, ударил в грудак пегого лохматого кобеля – хрустнули кости, пес всхлипнул и упал на землю. Некрупный белый кобель понял, что пахло жареным, и, поджав хвост, с визгом дал стрекача. Игарт выстрелил по нему, но промахнулся и решил сэкономить патроны.

– Спасибо, – сухо поблагодарил незнакомец. – Сам бы не отбил.

Тоже новичок, подумал Игарт. Жалкий ПМ, ни ножа, ни нормального пистолета. Только сейчас он как следует рассмотрел парня: лет тридцать, чуть вздернутый нос, широкие скулы, четко очерченные губы и кристально-синие глаза. Волосы светло-русые, стрижка волосок к волоску. Наверняка бабы на него гроздьями вешаются. Правый рукав разорван от локтя и ниже, по предплечью катится капля крови. На лице – ни растерянности, ни страха, ни злости.

– Я Игарт. Ты тоже здесь по заданию? Псов стреляешь?

Сталкер посмотрел непонимающе, пожал плечами:

– Я просто шел, они напали. Зовут меня Януш.

– Куда шел? К Крису? – спросил Игарт и прикусил язык, пораженный пониманием: это избранный, которого ищут черные. Уж очень он искусно разделал псов.

– Куда-нибудь, где есть люди, – ответил он, повертел головой, осматриваясь.

– Ты давно здесь? – продолжил допрос Игарт.

– Третьи сутки, – ответил сталкер. – Мне надо пробраться к Комнате, я чувствую. Потому что все это, – он раскинул руки, словно хотел объять мир, – неправильно.

– Черные тебя ищут, – проговорил Игарт, неотрывно глядя на Януша.

Брови того поползли вверх.

– Меня?!

– Вроде бы тебя. Говорят, ты очень для них опасен, потому что можешь уничтожить мир.

Януш вперился в Игарта, как в придурка. Помолчал, а потом изрек:

– Я – опасен? – он усмехнулся. – Да я, блин, никто и зовут меня никак. У меня даже пистолета толкового нет. Что я могу им сделать? Ни-че-го. Максимум, могу попытаться выбраться из Зоны. Мне тут не нравится. Говорят, это невозможно, но я все равно попробую.

«Как убедительно врет», – подумал Игарт. Но решил подыграть, рассчитывая, что Януш рано или поздно проколется. Не похож он на простого новичка: уж слишком спокоен, не задает лишних вопросов. В нем чувствуется фальшь.

Януш хочет проникнуть в Комнату, где, возможно, есть выход. Значит, нужно держаться Януша, в одиночку всегда труднее. Избранный он или нет – без разницы. Главное, выбраться отсюда. Но прежде надо получить деньги за проделанную работу.

Финкой, которую пожаловал Поль, Игарт срезал правые уши дохлых псов. Получилось десять. По сотке за каждое – в итоге штуцер. Вообще понты.

– Ты куда потом идешь? – спросил Игарт, собрав коллекцию ушей.

Януш пожал плечами:

– По сути, мне без разницы. Планировал к Крису заглянуть в поселок, там гостишка дешевая.

Игарт пересчитал патроны: два десятка. Задумался, что ему делать дальше. Можно пошариться по лесу и еще собак настрелять, тогда наберется сумма, на которую можно хотя бы поесть и переночевать. Но есть риск потерять из виду Януша, и тогда выход в нормальный мир будет запечатан навсегда.

– Идем вместе. Мне надо туда же, запчасти сдать, – Игарт показал мешочек с песьими ушами.

Некоторое время шли молча. У Януша был взгляд, словно он перемножает в уме многозначные числа. Наконец красавчик не выдержал и озвучил мысли:

– Ты говорил, что меня ищут черные. Они называли мое имя?

– Нет. Просто забирают и пытаются всех новых, ищут того, у кого сохранена память. Говорят, что он опасен и для них, и для мира в целом.

– С чего ты решил, что он – это я? – спросил Януш, останавливаясь.

Когда Игарт повернул к нему голову, на него смотрело дуло пистолета.

– Хочешь меня сдать? – пробормотал Януш бесстрастно. – Но ты ошибаешься. Я ничего не знаю и не помню. Просто настолько не хочу пыток, что даже согласен прострелить тебе голову.

Игарт ухмыльнулся. Удивительно, но смерть не пугала его – от пережитого он словно отупел.

– У меня другой интерес, – признался он. – Я хочу назад. Не помню подробностей, но предчувствую, что там нормально, нет уродов и всего этого дурдома. Если ты – избранный, то поможешь мне. Сейчас же я могу быть тебе полезен.

Не опуская пистолета, Януш погрузился в мысли, простоял так с полминуты, спрятал ПМ в кобуру, поморщился, опустив раненую руку, и кивнул:

– Логично. Принимаю твое предложение. Только одно «но» – никакой я не избранный. С условиями твоими соглашаюсь только потому, что одному здесь сложно.

Игарт сделал вид, что поверил ему.

По искусанной руке Януша продолжала течь кровь, но до этого момента он не замечал ранения: адреналин глушил боль. Сейчас же вспомнил, вытащил шприц из кармана и всадил себе в бедро прямо через штаны. Кровотечение прекратилось, алая полоса от клыка побелела.

«Еще одно бредовое событие», – подумал Игарт и сказал, отворачиваясь:

– Пошли. Нам нельзя привлекать внимание, вдруг кому-то захочется сдать нас черным за деньги. И будь осторожнее, тут аномалии.

Маузер

Маузер прошелся по кабинету Артюхова. Толстый ковер темно-вишневого цвета поглощал шаги. Котов нерешительно стоял на пороге и гремел связкой ключей, из-за плеча «завхоза» выглядывала секретарша: в ее глазах уже не блестели слезы, теперь девушка излучала любопытство.

«Завхоз» предупредил, что полиция успела кабинет шефа перевернуть вверх дном и умудрилась не найти ни одной зацепки. И все же Маузер настаивал.

Окна кабинета были закрыты жалюзи, на рабочем месте Артюхова теплилась настольная лампа, ее свет отражался в черном зеркале столешницы.

Со стороны, наверное, казалось, будто детектив топчет дорогуший ковер без цели.

Подошел к одной стене, посмотрел на висящую под стеклом картину – пейзаж, явно намалеванный на компьютере: стена мрачного леса гнет на ветру ветви, изукрашенные ржавой, больной на вид листвой; над лесом нависают серые тучи, их рисунок напоминает извилины обработанного формалином мозга.

Подошел к другой, раскрыл дверцу шкафчика, уныло посмотрел в пустой угол (документы перекечевали в кабинеты Шуляка и Котова), чуть оживленный серебром свежей паутины.

Котов и его секретарша то и дело переглядывались, но Маузеру было все равно, что о нем думают эти людишки. Он пытался воссоздать в воображении последние часы, проведенные Артюховым в этом кабинете.

Итак, бизнесмен прибыл в офис «Сигмы» в полвосьмого. Просмотрел приготовленные для него с вечера (кому-то не посчастливилось уйти домой до полуночи) документы, бюджет фонда на последний квартал года, сметы по строящимся объектам, договоры с подрядчиками. Затем пошел на планерку – люди собрались в конференц-зале, – где обсуждал квартальные планы, переназначил ответственных за выполнение научных и производственных программ, которые курировала «Сигма». После планерки несколько часов принимал самых разных посетителей, а когда выпадали свободные минуты, готовил список распоряжений. Это был внушительный список, Котов показал...

В книгах Чейза или Донцовой смекалистый детектив обязательно бы нашел в кабинете Артюхова что-то, что проглядели туповатые и ленивые полицейские. Но жизнь не похожа на бульварный роман. Стол Артюхова был пуст, и кроме пары засохших губок для обуви в выдвижных ящиках Маузер не нашел ничего. Шкаф – тоже пуст, на подоконниках – ничего, кроме следов от стоявших там некогда горшков с цветами.

Позвонила Ольга. Как всегда, она не тратила время на лишние слова. Уже лишь за это ее можно было полюбить на всю жизнь.

– Все в порядке, я подъезжаю.

– Бегу встречать, – ответил Маузер.

Котов и секретарша облегченно вздохнули.

– Я позвоню вам, если вы мне понадобится, – пообещал на прощание Маузер «завхозу».

Сотрудники «Сигмы» давно разошлись. Детектив пронесся по пустым коридорам, отсалютовал охраннику, который додумался вовремя освободить дверной проем от своего пуза, заторопился к лифту.

...Ольга стояла у входа в метро. В одной руке – увесистый пакет с продуктами, она успела купить все необходимое для штруделя, во второй – пара книг в мягкой обложке, ими Ольга разжилась уже на станции «Выставочная». Маузер мельком взглянул на обложки – фантастика. Да, Ольга – она такая.

– Есть хвост? – спросил он с ходу.

Оля обернулась.

– Вроде нет.

Повинуясь внезапному порыву, Маузер сгреб жену в объятия и с чувством поцеловал в пахнущую шампунем макушку.

В машине Маузер закурил. Ощущая скорее азарт, чем тревогу, он чаще, чем нужно, поглядывал в зеркало заднего вида, пытаясь вычислить возможную слежку. Ольга нервничала, хотя изо всех сил старалась не показывать волнение. Но Маузер читал ее ощущения по напряженной позе и заметному колыханию груди, по тому, как Ольга торопливо поправляет прическу и рассеянно листает новые книги, не видя текста.

– У меня уже есть две версии, – начал он, надеясь успокоить супругу беседой. – Одна другой гениальнее.

– Ну-ну...

Маузер заметил, что Ольга держит перед собой книгу вверх ногами, и покачал головой.

– Артюхов знал, что в скором времени ему доведется исчезнуть, – сказал он, стряхивая пепел в окно. – Мужик составил огромный список распоряжений, обсудил планы «Сигмы» до конца года и наметки на следующий. Артюхов вкалывал, чтобы не оставить незавершенных дел. Его кабинет пуст; только мебель, картинка на стене и немного мусора. Думаю, это неспроста. Заместитель Артюхова – болван, он не понял, почему ни менты, ни я не нашли в кабинете босса ни одной зацепки. Их уничтожили заранее... да, скорее всего, Артюхов и приказал, чтоб из его кабинета убрали все, что дало бы маломальскую подсказку.

Ольга бросила книжки на заднее сиденье.

– Версии, Шерлок?

– Либо Артюхова убрал его подрядчик, который задумал подлую аферу, либо наша пропажа втихаря легла на лечение в какую-то больничку, ибо припекло. Или не припекло, но моча ударила в голову. Его партнер, этот Шуляк, ярко описал то, что творится у них в мозгах.

– У них? – переспросила Ольга.

– Да, представляешь: они оба – раковые, – ответил Маузер.

– Во... – укоризненно протянула жена. – А ты куришь. Ни минуты без соски обойтись не можешь.

Маузер фыркнул и продолжил:

– Я думаю, что сумма, на которую кинул «Сигму» подрядчик, велика для рядового жителя Средней полосы, однако не настолько, чтобы из-за нее кто-нибудь взял на себя убийство VIP-персоны.

– Но если он тайком лег на лечение или на профилактику, – подхватила Ольга, – и там его уколошили? Ведь Артюхов сам спрятал концы в воду. А деньги лишними не бывают – это раз, и сам говорил, что врагов у него было немерено, – это два.

– Ты шаришь, – улыбнулся Маузер. – Я тоже думал о чем-то таком.

– Вряд ли, – отмахнулась Ольга, – не подписывайся под моими умозаключениями.

– Шуляк называет Артюхова Артемоном, – сообщил Маузер.

Ольга приснула:

– Вот как? Забавно! Похоже, они действительно старые друзья...

* * *

Само собой, в тот вечер им было не до штруделя с мясом. Купили в «Дикси» кило пельменей, домашнюю сметану, двухлитровую бутылку пива. Приехали домой и сразу – на кухню. Голодный Маузер пританцовывал от нетерпения, с вожделием глядя на кастрюлю, в которой неспешно, с ленцой, закипала вода.

Запотевшие бокалы соприкоснулись, издав галечный стук. Маузер осушил свой одним махом и набросился на еду. Ольга как всегда орудовала ножом и вилкой, методично препарируя пельмень за пельменем.

– «Львовське»... – прищурившись, прочитал Маузер на этикетке уже опустошенной бутылки. – Слушай, а на черта мы купили бандеровское пиво?

– Пффф, – Ольга уронила нож. – Что, и «Балтику» в таком случае тоже перестанем покупать? Отомстим за прибалтийский коллаборационизм в годы Второй мировой?

Маузер почесал затылок.

- Пожалуй, ты права: люди – это люди, а пиво – это пиво. Не стоит смешивать прекрасную янтарную жидкость и исторические события, за которыми стоят давно умершие гады. Забористый ёрш получится! – неожиданная мысль заставила его нахмуриться. – Лихо ты ввернула про этот... каламбурцинизм. Ты сейчас в линзах?

- Я их не снимаю, – призналась Ольга. – Привыкаю.

- То есть ты гуглишь! – воскликнул Маузер.

- Гуглю... и что? – перешла в контрнаступление Ольга. – Я заплатила достаточно за гаджет и теперь буду гуглить столько, сколько захочу!

- Разговариваешь со мной и одновременно гуглишь? – продолжал допытываться Маузер.

- Не-а, – Ольга тряхнула каре, – только один раз. А вообще я сейчас прогноз погоды на завтра смотрю.

- И что там?

- Жуть, плюс тридцать два. Долбануться... – она вздохнула. – Вымотала жара!

- А я вот люблю, когда жарко, как в аду, – Маузер потянулся, затрещал суставами. – Чем мерзким людишкам хуже, тем мне отраднее.

Ольга нахмурилась:

- Затрахал своей мизантропией. Даже пиво ему не угодило! Наверное тем, что оно закончилось... Самому от себя не тошно?

- Представь себе – нет, – Маузер отодвинул грязную тарелку, с хрустом смял пластиковую бутылку и швырнул в угол. – И тебя очень люблю. А еще у меня есть друзья. Их немного, пара человек, но я им доверяю.

Он бы мог рассказать Ольге о том, что видел и что делал на войне, а потом – на службе в милиции, которую переименовали в полицию. Только такие истории не излагают на хмельную голову, иначе будет походить на исповедь или на истерику. Ольга может подумать, будто ему нужна чья-то жалость. Она-то пожалеет, ей не тяжело, только совсем не этого собирався добиться Маузер.

– Ты у меня – идеалистка, – продолжил он. – Вот – читаешь фантастику, веришь в светлое будущее человечества. Я же вижу на улицах ползущих аскарид и биомассу, не способную на поступки. У них никогда не будет светлого будущего. Недостойны, да и не нужно оно им. Такое впечатление, что все эти люди при жизни начинают привыкать к преисподней.

– Прочитал бы и ты что-нибудь, – мягко сказала Ольга. – Вот я новые книжки купила...

Маузер отмахнулся:

– Я много читал до армии. Ремарка, Хемингуэя, Платонова... А потом перестал тратить время на нелепый гуманизм. Теперь – только справочную и юридическую литературу. Кстати, а зачем ты купила эти книги? Ты ведь все можешь скачать бесплатно и читать с помощью линз, не занимая руки.

– А скачивать – по-твоему, это не воровство? – удивленно приподняла брови Ольга.

– Воровство? – переспросил Маузер, подпрыгнув на табурете. – У кого же это мы ворует? У писателей? Да они же деньги гребут лопатой, тырят друг у друга сюжеты и используют негров! Ты думаешь, они сами все это сочиняют? Да ни у одного нормального человека не хватит воображения, чтобы такое написать! За каждой книгой стоит коллектив авторов... студентов каких-нибудь, которые за двести баксов мать родную продадут. Вот эти студенты и пишут. – Маузер поднял палец и добавил: – Наиграются в свои дурацкие игрушки, и давай пересказывать то, во что играли! Мошенники! А тебе лишь бы зарплату потратить...

Ольга вздохнула:

– Правда, меня очень любишь?

Маузер несколько раз немо открыл и закрыл рот, переключаясь на другую тему. А потом сухо проговорил:

– Правда. А что?

Ольга улыbnулась. Синие звезды ее глаз вспыхнули, как две Новые.

– Идем-ка отдыхать.

Телефон зазвонил, когда Ольга была сверху.

Маузер приглушенно матюгнулся, за что мгновенно получил по губам. Ольга потянулась к тумбочке, по которой ползал, вибрируя, мобильник Маузера. Подхватила, а затем вложила телефон в раскрытую ладонь детектива. Высветившийся номер был незнаком ни Маузеру, ни Ольге.

– Ну, слушаю... – сердито буркнул детектив.

– Это Чеверда, из Госдумы. Председатель бюджетной комиссии.

Важный голос, усталый. Говорит так, будто паровоз пар стравливает.

– Слушаю, – повторил Маузер, он положил руку Ольге на бедро и легонько сжал пальцы, привлекая внимание к разговору.

– Мне позвонил Шуляк и пожаловался на самоуправство подрядчика, нанятого «Сигмой», – проговорил депутат. – Подрядчик переводит стрелки на субподрядчика, и это может быть еще той чехардой...

Маузер молчал, он понимал, что этот весь из себя важный парламентарий не просто так ему звонит.

– Засранца-подрядчика мы накажем, – продолжил Чеверда, – и переведенные стрелки ему не помогут. Он – новенький на нашем рынке, поэтому, дурень, сам не понял с кем связался.

Маузер молчал, рассеянно поглаживая нежнейший пушок на бедре жены.

– Я вот что хочу тебе сказать, Игорь, – депутат засопел, захмыкал. – Я справлялся о тебе у министра. Наш мент поведал, что ты – бескомпромиссный следак, поэтому не задержался в органах. Вот... Подрядчик, конечно, гондон... Но он – сошка, дурачок, понимаешь? Он не покушался на жизнь Артемона, такое ему даже в голову взбрести не могло. Подрядчик вернет «Сигме» бабло, которое вымутил, так что ты на него не наезжай... мы сами обеспечим прокурорскую проверку.

Маузер собрался вставить реплику о том, куда следует идти хозяйчикам жизни со своими советами, но Чеверда его опередил:

– А захочешь потолковать с засранцем – устроим вам очную ставку. Ты главное пойми – человек он новый на нашей территории, напорол боков. Сделает работу над ошибками, и пусть работает дальше. На ошибках учатся.

– Я выслушал вас, – неопределенно отозвался Маузер.

– Еще не до конца, – пропыхтел Чеверда. – Обрати внимание на больничку, которую крышует «Сигма», «Мыс доброй надежды», кажется, называется. Я как-то проезжал мимо: это, в натуре, крепость! На территорию на танке не пробьешься! Если бы вдруг Артемону приспичило лечь на дно, то «Мыс доброй надежды» – самое то.

– Я не пробьюсь, полиция не пробьется, но Шуляк – он же соучредитель, – резонно заметил Маузер. – Перед ним открыты все двери.

Паровоз на другом конце снова запыхтел, зафыркал, а затем выдавил из себя:

– Славка заезжал в «Мыс доброй надежды». Он увидел лишь то, что ему показали. Если же Артемон распорядился, чтоб его не выдавали, то доктора не послушают. Сам понимаешь, Артемон в большом авторитете.

– У вас есть версии, зачем ему понадобилось уходить на дно?

– Нету, – буркнул Чеверда. – Но своим исчезновением он сорвал перспективную антикризисную программу, спикер меня отчитал, как последнего ффаера. Вот с такими людьми, Маузер, приходится о судьбе России заботиться... Ну, спокойной ночи!

Сказав это, депутат отключился.

Маузер бросил телефон на скомканное одеяло, положил руки Ольге на талию.

– Ну? Что думаешь? – спросила жена.

– Конкретный такой депутат, основательный, – отозвался Маузер, – в политике с девяностых, все у него схвачено.

Ольга качнула бедрами.

– А «Мыс доброй надежды»?

– Съезжу... отчего бы не съездить? Покручусь, посмотрю. Артюхов залег на дно в покоем на крепость медицинском центре для избранных? Почему бы и нет. Это согласуется с моей версией, что он заблаговременно начал готовить свое исчезновение... – Маузер поморщился, затем обнял Ольгу, привлек к себе. Проговорил, ощущая, как волосы жены щекоют ему губы: – Давай о работе уже завтра?

Ольга не возражала.

* * *

Утром, после яичницы, приготовленных в микроволновке горячих бутербродов и кофе, сжимая губами самую вкусную утреннюю сигарету, Маузер позвонил Ангелине Артюховой.

– Как продвигается расследование? – поинтересовалась сонным голосом супруга исчезнувшего бизнесмена.

- Продвигается, - заверил ее детектив. - У меня есть просьба.

- Я слушаю вас внимательно...

- Поскольку вы мне предоставили распорядок дня вашего мужа на девятое, на день исчезновения, не могли бы вы сбросить мне, что было у него в планах на предыдущие дней десять.

Ангелина задумалась.

- Вы должны понимать, что информация, связанная с перемещениями и встречами Игната, может быть коммерческой тайной... - произнесла она нехотя. - Если вы пообещаете, что не предоставите эти сведения третьим лицам...

- Что за вопрос, Ангелина!

- Я посмотрю, что можно сделать, и свяжусь с вами в течение дня.

- Тогда до связи!

Ольга прихорашивалась перед зеркалом в прихожей. Услышав, что Маузер закончил разговор, она спросила:

- Подвезешь меня в агентство? Или сразу - в «Мыс доброй надежды»?

- Подвезу, конечно. Предчувствую, что эту контору простым штурмом не возьмешь. Тут надо раскинуть мозгами.

- Ну, идем раскидывать.

Ольга и Игорь Коваль жили на втором этаже, само собой, лифтом они не пользовались. Лестница была чисто выметенной и даже вымытой, но все равно пованивало кошачьими метками.

- Ты хотел заправиться, - напомнила Ольга.

- Позднее... - отмахнулся Маузер.

Они вышли из сумрачного подъезда и зажмурились, на миг ослепленные августовским солнцем. И в этот миг на них напали.

Охнули бабки, сидящие на скамейке в тени клена. Студент-третьекурсник, сосед Маузера сверху, увидев такие дела, резко свернул в сторону от подъезда, к которому направлялся, и сделал вид, будто ничего не замечает из-за темных очков и громкого даб-степа в наушниках.

Это были не гопники и не иные отбросы городских джунглей.

Маузер сразу унюхал запах хорошей туалетной воды. В этом ощущалась какая-то очередная неправильность. Кто одеколонится перед тем, как размахивать кулаками? Наверное, тот, кто не собирался этого делать, тот, кому в голову такое решение пришло спонтанно.

Он отступил, заслонив собой Ольгу. На него бросились с двух сторон: обычные ребята в светлых безрукавках, на одном добротные синие джинсы недорогого бренда, на втором - черные классические брюки. Ольга соображала быстро; не издав ни звука, она отпрыгнула назад в подъезд, чтоб дать мужу простор.

Выхватить «травматик» он не успевал.

Первого ударил коротко, без замаха: кулаком под дых, словно штыком ткнул. Второму врезал лбом по переносице, услышав при этом, как у напавшего хрустнули кости лица. Сверкнули в ярких лучах солнца рубиновые капли крови.

Закричала Ольга, и Маузер понял, что все-таки есть и третий. Ждал, сука, этажом выше, когда они выйдут. Набросился на Ольгу сзади, схватил за шею, прижал к ее виску дуло «грача» - пистолета Ярыгина.

- Стоять!.. - просипел, не разгибаясь, тот, кому Маузер врезал в живот, голос его звучал скорее жалобно, чем угрожающе. - Полиция!..

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/glumov_viktor/myshelovka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)